

ISSN 2313-6936

Научный журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

**3(5)
2015**

ВЛАДИМИРСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Серия «Юридические науки»

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77-58743 от 28 июля 2014 г.

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Журнал является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс Каталога российской прессы «ПОЧТА РОССИИ» – 73656

© ФГБОУ ВПО «Владимирский государственный
университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых», 2015

Технический редактор

С. В. Шумов

Автор перевода

Я. В. Зайчиков

Верстка оригинал-макета:

С. В. Шумов

На 4-й полосе обложки размещена фотография Е. Осиповой

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

*600000, г. Владимир,
ул. Горького, 87*

Адрес редакции:

*600005, г. Владимир,
ул. Студенческая, 8,
ауд. 203*

Адрес электронной почты:

*vestnikvlg.u.pravo@mail.ru
тел.: +7 (4922) 47-76-01*

Подписано в печать 28.09.2015

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 11,86

Тираж 1000 экз.

Заказ № 7/9

Отпечатано

в ООО «Издательство

”Шерлок-пресс”»

600001, г. Владимир,

ул. Студеная гора, 3ба

Редакционная коллегия серии

«Юридические науки»

<i>Р. Б. Головкин</i>	доктор юридических наук, профессор (главный редактор)
<i>М. В. Новиков</i>	кандидат юридических наук, доцент (зам. главного редактора)
<i>З. А. Аскеров</i>	кандидат юридических наук, Ph D, профессор
<i>В. М. Баранов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. В. Богатырёв</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. Д. Борисова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Н. А. Власенко</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. В. Исаенкова</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Е. Е. Каймульдинов</i>	кандидат юридических наук, доцент
<i>А. В. Кудрявцев</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>И. И. Олейник</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>А. С. Подшибякин</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>Р. А. Ромашов</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>В. А. Сергеевич</i>	кандидат исторических наук, Ph D, доцент
<i>Т. А. Ткачук</i>	доктор юридических наук, профессор
<i>О. Д. Третьякова</i>	доктор юридических наук, доцент
<i>Я. В. Зайчиков</i>	ответственный секретарь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Баранова М. В.	
Запреты и компромиссы в правовом поле рекламы	5
Головкин Р. Б.	
Иллюзии и симулякры в теории государства и права	11
Головкин Р. Б., Колесникова Ю. П.	
Теория государства и права глазами выпускников и практиков (по результатам социологических исследований)	22
Крайнова Е. Р.	
Работники аппарата суда апелляционной инстанции: история и современность	30
Макарейко Н. В.	
Убеждение и государственное принуждение: единство и взаимодействие	35

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Богачевская Е. А.	
Экстремистские проявления: пенитенциарный аспект и коррупционная составляющая	44
Высторóбец Е. А.	
Позиционирование института использования радиочастотных природных ресурсов в системе современного права охраны окружающей среды	47
Гордиенко И. В.	
Содержание понятия обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе	66
Звонов А. В.	
Актуальные проблемы исполнения отсрочки отбывания наказания большим наркоманией	73
Кириянов А. В., Кириянова О. Е.	
терроризм: вопросы определения, эволюции, признаки	78
Лазарева Л. В.	
Некоторые проблемы правовой экспертизы в русле судебной экспертологии	87
Ткачук Т.А.	
Использование возможностей розыскной деятельности в преодолении противодействия расследованию преступлений коррупционной направленности	92
Сведения об авторах	98
Правила оформления и предоставления рукописей	102

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Baranova M. V.

Prohibitions and Compromise in the Legal Field of Advertising..... 5

Golovkin R. B.

Illusions and Simulacra Theory State and Law 11

Golovkin R.B., Kolesnikova Yu. P.

Theory of Government and Rightseyes of Graduates and Practice
(Based on the Results of Sociological Research)..... 22

Krajnova E. R.

On the Issue of the Device of the Court of Appeal: Past and Present 30

Makarej`ko N. V.

Persuasion and state coercion: the unity and cooperation 35

CURRENT ISSUES BRANCH JURISPRUDENCE AND LAW ENFORCEMENT

Bogachevskaya E. A.

Extremist Manifestations: Penal Aspect and Corruption 44

Vy`storobecz E. A.

The Positioning of the Institute of Radio Frequency Natural Resources
use in the System of Contemporary Environmental Law 47

Gordienko I. V.

The Concept of Your own Safety in the Criminal Executive System..... 66

Zvonov A. V.

Actual Problems of Execution Suspended Sentence for Drug Addicts..... 73

Kir`ianov A. V., Kir`ianova O. E.

Questions of Definition, Evolution, Signs 78

Lazareva L. V.

Some Problems of Legal Expertise in the Course of Justice Expertology 87

Tkachuk T. A.

Harnessing the Power of Search Activity to Overcome
the Counteraction to Investigation of Corruption Crimes 92

About the Authors 100

Rules and registration of manuscripts 102

М. В. Баранова

ЗАПРЕТЫ И КОМПРОМИССЫ В ПРАВОВОМ ПОЛЕ РЕКЛАМЫ

Аннотация. В статье анализируются природа, значение и специфика запретов и ограничений, налагаемых на рекламу. Властные веления ограничительного характера рассматриваются через призму поиска компромисса.

Ключевые слова: реклама, ограничение, запрет, компромисс, правовая регламентация.

M. V. Baranova

PROHIBITIONS AND COMPROMISE IN THE LEGAL FIELD OF ADVERTISING

Abstract. The article examines the nature, value and specific prohibitions and restrictions on advertising. Imperious decrees limiting viewed through the prism of the search for a compromise.

Key words: advertising, restrictions, prohibitions, compromise, legal regulation.

Правовое регулирование рекламной деятельности проходит становление и постоянно модернизируется весьма длительное время¹, при этом не только массовое правосознание, но и специалисты рекламного дела склонны вести отсчет юридической регламентации рекламы с 1995 г. – времени принятия первого в России Федерального закона «О рекламе». На современном этапе развития российского общества рекламное дело является одной из наиболее динамично развивающихся сфер бизнеса, нуждающейся в детальной и системной правовой регламентации.

Рекламное право России имеет собственный предмет регулирования – деятельность по производству и распространению юридически значимой

рекламной информации на самых разных рынках товаров, работ, услуг.

Комплексный характер рекламного права предполагает выделение и анализ основных составляющих предметного единства, т. е. весь спектр рекламной деятельности с возникающими в ходе этой деятельности довольно специфичными отношениями.

Разноплановый вред, причиняемый ненадлежащей рекламой (рекламой с нарушением требований законодательства о рекламе), значительной частью потребителей рекламы не учитывается, порой не осознается и в силу этого не становится предметом юридической претензии. Для эффективного противодействия нарушениям рекламного законодательства, повышения уровня гарантий защиты прав

© Баранова М. В., 2015.

¹ Баранова М. В. История правового регулирования рекламных отношений в России (дореволюционный и советский периоды). Н. Новгород, 2006 ; Ее же. Право и реклама (общетеоретический аспект) : монография. Н. Новгород, 2010.

потребителей рекламы необходимо установление адекватного системного правового механизма фиксации, оценки и возмещения в полном объеме физического, имущественного, морального вреда, причиненного ненадлежащей рекламой. Отсутствие подобного законодательного механизма, как неоднократно указывал при решении иных дел Конституционный Суд Российской Федерации¹, не может приостанавливать реализацию конституционного права граждан на возмещение причиненного им вреда.

Поиск новых путей противодействия нарушению прав граждан ненадлежащей рекламой, безусловно, весьма актуален для современной российской действительности и связан с необходимостью поиска компромисса между обусловленным необходимостью упорядочения отношений стремлением государства ограничить спектр дозволенного и естественным желанием социума, отдельных бизнес-групп расширить пределы правовых дозволений. Общество при этом, подобно государству, может также стремиться к введению ограничений, в первую очередь касающихся рекламы, вносящей дезорганизацию или диссонанс в привычный уклад жизни большинства (ограничения звука рекламного включения, реклама в дни траура, реклама алкоголя, реклама лекарственных средств, количество и длительность рекламных включений).

Когда решаются вопросы, не имеющие принципиального значения и

подразумевающие возможность компромисса, переговоры могут ослабить или уладить конфликт, утверждает Д. Шарп². Однако компромисс важен и в вопросах, имеющих первостепенное значение в юридической сфере.

Компромисс (от лат. *compromissum*) – это соглашение на основе взаимных уступок³. Компромисс является результатом договоренности с формальным противником, при этом разница во взглядах сохраняется, но ей поступаются во имя результата – устранения конфронтации, прекращения конфликта. Накопление противоречий приводит к фиксации стойких серьезных разногласий, что и свидетельствует о формировании негативного результата – конфликта. Однако и компромисс, и конфликт обладают ценностью, так как это равновесные средства активного, но не всегда позитивного развития социума, правовой реальности. Достижение компромисса сопровождается процессом аккомодации – приспособления, пассивной или активной трансформации взглядов и моделей поведения. Важным условием для результативной, эффективной аккомодации и достижения компромисса является толерантность, обоюдная терпимость к чужому образу жизни, поведению, требованиям, установкам, интересам, мнениям, идеям. Именно толерантность является демократическим принципом, неразрывно связанным с концепциями плюрализма, традиционными в первую очередь для современной Западной Европы и США.

¹ По делу о проверке конституционности положений статьи 242 (1) Бюджетного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 2 марта 2010 г. № 5-П // Рос. газ. 2010. 12 марта

² Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / 2-е изд., испр. М., 2012. С. 19.

³ URL: <http://dic.academic.ru/>

В традиции Запада терпимость и осознанное восприятие новаций – проявление силы личности и социума.

Здесь весьма важно указать на существенное различие компромисса и консенсуса. Последний представляется неким идеалом, «целью целей», где нет противоречий во взглядах, нет формального противника, достигнуто единство идей, стремлений и средств их достижения.

Подходы к пониманию компромисса, правового компромисса различны, что естественно для живого и подвижного феномена науки. Так, А. В. Кайшев в работе на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Уголовно-правовое значение компромиссов и поощрений» определяет уголовно-правовые компромиссы, как «средства удовлетворения государством своего интереса, выражающегося в достижении цели установления справедливости посредством отказа от своего права или исполнения своей обязанности наказывать лицо, совершающего или совершившего преступление при условии точного выполнения им требований закона»¹.

Н. И. Маковеев в своем диссертационном исследовании на соискание ученой степени кандидата философских наук «Компромисс как политико-культурный феномен» отмечает, что в специфически-политологическом смысле компромисс определяется как «система взаимодействий в “поле политики”, основным содержанием которой является процесс и результат достижения политического соглашения (добровольного,

добровольно-принудительного или глубоко вынужденного) обязательно на основе уступок (не всегда равноценных, но всегда взаимных) между двумя (несколькими) субъектами политической деятельности, направленного на решение ее конкретных задач каждой из сторон, участвующих в данной системе взаимодействий»².

Актуальный вопрос в связи с компромиссом, писал Дж. Морлей, заключается в определении границы, разделяющей разумную осмотрительность при выработывании убеждений, разумную сдержанность при их высказывании, разумную медлительность при попытках осуществить их на практике от скрываемой неискренности и самообольщения, от добровольного лицемерия, от нерадивости и малодушия³. Действительно, сложно определить границы компромисса, его допустимость и пределы, особенно в правовой сфере.

Любая коммуникация является «полем» для конфликта и компромисса. Поведение субъектов рекламной коммуникации, общественные отношения, возникающие в ходе рекламной деятельности, и собственно рекламная деятельность находятся в тесной взаимосвязи. Характер рекламной деятельности определяет, обуславливает специфику поведения и возникающие в процессе отношения. Рекламная деятельность является основой для формирования общественных отношений, различных видов поведения. Вид деятельности существенно влияет на сущность и формы

¹ URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-znachenie-kompromissov-i-pooschreniy#ixzz320bsYfPi> (дата обращения: 09.08.2015).

² URL: <http://www.dissercat.com/content/kompromiss-kak-politiko-kulturnyi-fenomen#ixzz3207nMOXp> (дата обращения: 09.08.2015).

³ Морлей Дж. О компромиссе: в защиту свободы мысли: пер. с англ. Изд. 3-е. М., 2010. С. 6–7.

правового отражения. Рекламная деятельность обладает ярко выраженной спецификой, которая обуславливает своеобразие нормативно-правовой регламентации.

Участники рекламных правоотношений имеют субъективное право на преобразование, распространение и получение информации об объекте рекламирования. Субъективное право преобразовывать информацию в готовую для распространения в виде рекламы форму присуще рекламопроизводителю, а субъективное право осуществлять ее распространение любым способом, в любой форме, с использованием любых средств – рекламораспространителю. При этом субъективное право инициировать преобразование и распространение информации принадлежит рекламодателю как лицу, определяющему объект рекламирования и содержания рекламы. Наряду с субъективным правом, участники рекламного правоотношения наделены юридической обязанностью осуществлять свою деятельность в рамках правовой регламентации. Нарушение правовых предписаний влечет юридическую ответственность (ст. 38 Федерального закона от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе»¹). Примечательно, что потребитель рекламы выступает носителем субъективного права получать информацию об объекте рекламирования, но избавлен от юридической обязанности. Остальные участники рекламного правоотношения являются обязанными осуществлять надлежащее рекламное воздействие.

Особое внимание следует уделить контролирующему органу, в первую очередь это Федеральная антимонопольная служба Российской Федерации (далее: ФАС РФ). ФАС РФ в полной

мере обладает признаками, квалифицирующими ее как субъекта рекламной юридической деятельности. Она является государственным органом, наделенным определенной компетенцией, использует средства государственно-властного воздействия экономического и политического, социального и идеологического, поощрительного и принудительного характера. При этом деятельность органов государственного контроля в сфере рекламы нормативно одобрена и социально значима, вовлечена в социальный контекст и тесно связана с рекламными правоотношениями. Деятельность контролирующего органа входит в механизм правового регулирования рекламных отношений, являясь важным инструментом реализации правовых ограничений.

Механизм введения правовых запретов и ограничений представляется довольно результативным путем противодействия нарушению прав граждан ненадлежащей рекламой (рекламой с нарушением требований законодательства о рекламе). Конституционные ограничения, налагаемые на рекламу, обуславливают широкий спектр ограничений, исходящих от разных источников.

Во-первых, ограничения имеют правотворческую природу, т. е. исходят от нормотворческих органов, вводящих в действие конкретные нормы, носящие запрещающий характер.

Во-вторых, ограничения могут исходить от правоприменителя. Это, прежде всего, ФАС РФ и ее территориальные управления, в чью компетенцию входит контроль за соблюдением рекламного законодательства, а также судебные органы, применяющие нормы рекламного права, прокуратура, полиция и др.

¹ Рос. газ. 2006. 15 марта.

В-третьих, ограничения прав человека в рекламной сфере имеют этическое-деонтологическую природу и исходят от саморегулируемых организаций.

Любое ограничение рождает ряд последствий. Направленные на достижение позитивного, полезного для общества результаты ограничения порой приводят к неожиданным и незапрограммированным последствиям. Так, в рекламной сфере можно говорить о биполярности результатов ограничений. Особенно интересна и показательна негативная сторона ряда популярных, вызвавших общественный резонанс ограничений.

Ограничение рекламы пива привело к укреплению позиций монополий в этой сфере, создав дополнительные и труднопреодолимые сложности на пути выхода на рынок новых пивных марок. За этим последовало удорожание рекламного времени, рекламного продукта и как следствие самого объекта рекламирования.

Невозможность в прежнем объеме рекламировать конкретную пивную марку или продукт в целом привела к появлению рекламы «зонтичных брендов», когда один продукт (не разрешенный к рекламированию) рекламируется под видом другого (разрешенного к рекламированию).

Ограничение временных затрат на рекламу в телевизионном сегменте привело к удорожанию рекламного времени и вытеснению с рекламного пространства социальной рекламы. Сегодня законодатель, поняв последствия такого ограничения, предлагает выход из создавшейся ситуации в выделении дополнительного времени в эфире (сверх указанного в Федеральном законе «О рекламе») для социальной рекламы. Такая мера не может вызвать

положительного отклика у потребителей рекламы, уставших от ее и без того немалого объема.

Примечательно, что ограничение звука рекламного сообщения привело к необходимости разработки технических регламентов, без которых реализация данной нормы невозможна. Нужно время, усилия, воля законодателя, чтобы соответствующие технические регламенты были разработаны, а норма, вводящая ограничения звука, стала исполняемой.

Анализируя учение Дж. С. Милля о социальной свободе, Дж. Морлей в работе «О компромиссе: в защиту свободы мысли» указывает на справедливость утверждения о спорном характере привычного применения репрессивных средств для влияния на поведение. Вслед за Дж. Морлеем можно согласиться с утверждением Милля о том, что единственная цель, ради которой человечество имеет право, индивидуально или коллективно, нарушать свободу действия кого-либо, – это самосохранение, власть может справедливо проявляться в цивилизованном обществе только ради предупреждения нанесения вреда людям¹.

Рост запретов и ограничений в сфере правовой регламентации рекламной деятельности свидетельствует о попытках достижения компромисса между стремительно развивающимся бизнесом и интересами социума и государства. Компромисс, выраженный языком юридических норм, нацеленный на урегулирование конфликта в динамичной рекламной отрасли, может оказаться недолговечным, и новые экономические и социокультурные реалии приведут к новому витку конфликта, который, в свою очередь, разрешится новым компромиссом.

¹ Морлей Дж. Указ. соч. С. 283–284.

Библиографический список

1. *Баранова М. В.* История правового регулирования рекламных отношений в России (дореволюционный и советский периоды) / М. В. Баранова. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2006. – 158 с.
2. *Баранова М. В.* Право и реклама (общетеоретический аспект) : монография / М. В. Баранова. – Н. Новгород : Нижегород. акад. МВД России, 2010. – 796 с.
3. *Морлей Дж.* О компромиссе: в защиту свободы мысли : пер. с англ. Изд. 3-е. – М. : Либроколе : ЛКИ : КомКнига, 2010. – 344 с.
4. *Шарп Д.* От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / Д. Шарп. – 2-е изд., испр. – М. : Новое изд-во, 2012. – 84 с.

References

1. *Baranova M. V.* The History of Legal Regulation of Relations in the Russian Advertising (Pre-revolutionary and Soviet Periods). Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskaya Akademiya MVD Rossii, 2006. 158 p.
2. *Baranova M. V.* Law and Advertising (General Theoretical Aspect). Nizhnij Novgorod, Nizhegorodskaya Akademiya MVD Rossii, 2010. 796 p.
3. *Morlej Dzh.* About compromise: In Defense of Freedom of Thought. Transl. from English. Ed. 3rd. M. Librokom, LKI, KomKniga, 2010. 344 p.
4. *Sharp D.* From Dictatorship to Democracy: The Strategy and Tactics of Liberation. 2nd ed., rev. M. Novoe Izdatel'stvo, 2012. 84 p.

Р. Б. Головкин

ИЛЛЮЗИИ И СИМУЛЯКРЫ В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию иллюзий, связанных с теорией государства и права и на ней основанных. Иллюзии и симулякры исследуются в теоретическом и практическом плане.

Ключевые слова: иллюзии, симулякры, интерполяция права, правоприменение, правотворчество, предмет теории государства и права.

R. B. Golovkin

ILLUSIONS AND SIMULACRA THEORY STATE AND LAW

Abstract. The article is devoted to the study of illusions connected with the theory of state and law, and based on it. Illusions and simulacra, studied in theoretical and practical terms.

Key words: illusion, simulacra, interpolation law, enforcement, law-making, the subject of the theory of state and law.

Традиционно считается, что теория государства и права – это фундамент всей юридической науки, система знаний направленная на формирование мировоззрения юриста. Это наука и учебная дисциплина, обладающие высокой степенью абстракции, но направленные на практический результат – формирование правосознания, правильно отражающее государственно-правовую действительность.

Тем не менее в последние годы все чаще ведущие ученые нашей страны проявляют озабоченность по поводу современного состояния данной науки¹.

Речь идет об иллюзорности, неочевидности теории государства и

права и некоторых представлений о ней. Обозначим некоторые проблемы, связанные с неочевидностью, иллюзорностью теории государства и права, обсуждаемые в последнее время достаточно часто в правовой науке.

Прежде всего обратимся к наиболее фундаментальному вопросу о предмете теории государства и права. Известный отечественный теоретик права и государства В. В. Лазарев утверждает, что общая теория государства и права не имеет своего предмета исследования, так как государство и право – это абстрактные конструкции самой теории государства и права².

© Головкин Р. Б., 2015

¹ См., напр.: Лазарев В. В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) // «Lex Russica». 2013. № 2 ; Крусс В. И. О современном состоянии юридической науки // Юридическая наука и ее значение в современном обществе : сб. докл. на междунар. науч.-прак. конф. М., 2014.

² Лазарев В. В. О юридической науке: продолжение полемики // «Lex Russica». 2015. № 11.

Фактически аналогичную позицию занимает и профессор В. М. Баранов, который в своем выступлении на научной конференции отметил, что предмет теории государства и права сформирован искусственно и что необходимо изучение государства и права разделить на политологию (государство) и энциклопедию права (право)¹.

Отмеченная учеными фактическая иллюзорность предмета и объекта теории государства и права действительно имеет место быть, однако эта позиция не бесспорна.

В справочной литературе иллюзия – (от лат. *illusio* – обман) определяется как искаженное восприятие действительности, обман восприятия: 1) иллюзии как следствие несовершенства органов чувств; свойственны всем людям (например, оптические иллюзии); 2) иллюзии, обусловленные особым состоянием психики (например, страхом, снижением тонуса психической деятельности); наличие ложно воспринимаемого реального объекта отличает иллюзии от галлюцинаций; 3) ложные представления, связанные с определенными социальными установками индивида; 4) несбыточные надежды².

Иными словами, справочная литература в основном придает термину «иллюзия» отрицательный смысл, хотя значение этого термина изложенное в п.1 вполне применимо к теории государства и права, хотя и с из-

вестной долей условности, как неочевидность восприятия и интерпретации явлений государства и права. Тем не менее полагаем что предмет теории государства и права все же существует, хотя в мыслимой конструкции.

Прежде всего необходимо отметить, что наличие исследователей (субъекта исследования) предполагает уже наличие и того, на что направлены познавательные усилия субъекта, т. е. на объект и предмет.

Кроме того, мыслимая реальность может порождать мыслимые объекты и предметы исследования. Конечно, государство и право – это предметы, существующие в виде понятийных конструкции самой теории государства и права, как обозначает их В. В. Лазарев, используя терминологию Ж. Бодийяра – «симулякры»³, но ведь и большинство объектов окружающей действительности также можно назвать симулякрами, так как они воспринимаются субъективно через человеческие органы восприятия. Результаты исследований мира с помощью приборов также могут быть симулякрами, так как созданные человечеством приборы для изучения действительности созданы в соответствии с возможностями человеческого восприятия. Иными словами, если признать предмет теории государства и права несуществующим, то с этим можно согласиться лишь с позиции принципиальной непознаваемости мира⁴. К тому же некоторые ученые изначально рас-

¹ Выступление В. М. Баранова 27 октября 2015 г. на научной конференции «Теория права и государства: в науке, образовании практике», посвященная 75-летию профессора В. В. Лазарева.

² Энциклопедический словарь. URL: <http://tolslovar.ru/i1790.html>. Обращение к ресурсу: 17.11.2015.

³ Бодийяр Ж. Симулякры и симуляции. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 28.10.2015).

⁴ У И. Канта это феномен и ноумен (*Кант И.* Критика чистого разума. М., 2015).

смаатривают предмет теории государства и права лишь в понятийном выражении¹.

Следовательно, при изучении объектов мыслимой или иллюзорной действительности предмет науки, в частности теории государства и права конструируется самой наукой и является, скорее, не симулякром, а образом действительности о сущности, структуре и формах выражения которого исследователи как бы договариваются, формируя обобщенную конструкцию мыслимых объектов (в нашем случае государства и права).

Обобщенные картины мыслимого и реального мира – это отражение личного и общественного опыта жизнедеятельности выраженного в системе понятий, обеспечивающих личностные суждения, умозаключения и в конечном итоге поведение человека. Иллюзии и их формы – симулякры, это способ интеллектуального упорядочения взаимосвязи человек – мир, поэтому государство и право, хотя и относительно иллюзорны, однако эти иллюзии служат для организации общественных отношений и в конечном счете поддержанию жизнедеятельности общества. Несмотря на определенную иллюзорность государства и права в сознании индивидов, они имеют и материальные воплощения, прежде всего это государственный аппарат и законодательство. Тем не менее иллюзорность, абстрактность государства и права порождают симулякры и в представлениях о действии этих явлений.

Не случайно В. В. Лазарев отмечает, что государство и право явления, сложные и во многом закрытые, всегда при соответствующей заинтересованности есть возможность рисовать нечто в розовом или черном свете², например, что касается действия права, а точнее, выражающего его законодательства. Современное состояние законодательства и его реализации позволяет говорить о симулякрах или иллюзиях правового регулирования.

Во-первых, симулякром можно считать сложившиеся в нашем обществе представления о том, что наличие определенного количества законов свидетельствует о наличии правового регулирования той или иной группы общественных отношений. На самом деле это иллюзия, изданный закон или другой нормативный правовой акт, чтобы реализоваться в поведении, должен получить отражение в правосознании индивида, т. е. индивид как минимум должен знать норму закона, переживать по ее поводу и на этой основе моделировать свое поведение и требовать соответствующего поведения от других участников правоотношений.

Сегодня только на всероссийском уровне законодательства издано 200 тысяч нормативных правовых актов³. Большинство этих актов неизвестны субъектам правоотношений, так как просто физически средний (нормальный) человек не может знать столько законов. Таким образом незнание законов исключает их адекватную реализацию.

¹ *Нерсесянц В. С.* Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства: для юридических вузов и факультетов. М., 2009.

² *Лазарев В. В.* Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика).

³ По данным справочно правовой системы «КонсультантПлюс», сегодня имеют юридическую силу 177 790 федеральных нормативных правовых актов.

Во-вторых, симулякр является и суждение о том, что право – это самый сильный регулятор общественных отношений, потому что за ним стоит государство. Право было бы самым сильным регулятором, если бы субъекты правоотношений его знали и чувствовали его необходимость и справедливость. Кроме того, сила любой социальной нормы в укорененности ее в сознании и в выработке на этой основе поведенческих стереотипов. У норм законодательства в силу его незнания участниками правоотношений достаточно часто выработка поведенческих стереотипов не происходит.

Полагаем, что именно этими и некоторыми другими обстоятельствами¹, обуславливается подмена или интерполяция позитивного права при осуществлении процедур правового регулирования общественных отношений. С учетом словарного значения термина «интерполяция», интерполяцию права *целесообразно трактовать как умышленное или неосторожное искажение, подмену изначальных смыслов изданных юридических норм, а также подмену самих правовых норм другими социальными и несоциальными регуляторами при осуществлении процедур правового регулирования в целом.*

Подмена или интерполяция права, как это ни странно, может произойти не только на этапе действия права, но и на этапе правотворчества. Эта ситуация может обуславливаться тем, что в правовую систему включаются непосредственно другие социальные нормы. В результате происходит легальная интерполяция правовых норм другими социальными регуляторами.

Анализ действующего законодательства позволяет установить достаточно частое использование в текстах законов (в ссылочной форме) таких социальных норм, как: мораль (нравственность), обычаи, традиции, ритуалы и религиозные нормы.

Ссылки на морально-нравственные нормы получили наибольшее распространение. В той или иной форме на моральные нормы ссылаются более чем ста федеральных и региональных нормативных правовых актов.

Например, п.1 ч.1 ст. 6 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» в качестве одного из приоритетов интересов пациента при оказании медицинской помощи закрепляет обязанность медицинского персонала соблюдать этические и моральные нормы².

В соответствии с ч.1 ст. 6 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» на сотрудника дипломатической службы в период работы в загранучреждении Министерства иностранных дел Российской Федерации возлагается обязанность соблюдать законы и обычаи государства пребывания, а также общепринятые нормы поведения и *морали*³.

За нарушение норм нравственности даже предусматривается уголовная и административная ответственность (гл. 6 КоАП РФ, гл. 25 УК РФ).

Как видно из приведенных примеров, на нормы морали имеются лишь

¹ См., подробнее: Головкин Р. Б. Сущность юридической интерполяции // Вестн. Владим. юрид. ин-та. 2014. № 4(33). С. 155–162.

² Рос. газ. 2011. 23 нояб.

³ Там же. 2010. 30 июля.

ссылки, но эти ссылки оформлены фактически как бланкетные диспозиции правовых норм и в силу этого упоминаемые моральные предписания обязательны для адресатов правовых предписаний. Следовательно, интегрируемое правовое предписание с моральной нормой интерполируется (замещается) моральной нормой.

На обычаи, действующие федеральные и региональные правовые предписания ссылаются более чем в 40 актах. Например, ст. 5 ГК РФ закрепляет понятие обычая, под которым понимается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе.

Традиции упоминаются в более чем 30 актах. Например, в ч. 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации утверждается, что местное самоуправление осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учетом исторических и иных местных традиций.

Обычаи и традиции в силу их инерционности наиболее мощно влияют на сознание, следовательно, на правотворческие процессы. При этом обычаи и традиции, закрепленные полностью в тексте правовой нормы, фактически оставаясь в сознании обычаем, формально становятся правом.

Ссылки на религиозные нормы менее выражены в законодательстве, но некоторые религиозные нормы санкци-

онируются правом. Например, празднование Рождества Христова и Светлой Пасхи¹.

В целом использование различных социальных регуляторов в правотворчестве позитивно. Право – это элемент в системе социального регулирования и не может избежать влияния других ее элементов, однако распространенный ссылочный метод взаимодействия права и иных социальных норм ведет к практически автоматической интерполяции права.

Конечно, интерполяция права на этапе правотворчества порождает самые тяжелые смысловые последствия для права и правового регулирования, тем не менее наиболее значительна и показательна интерполяция права на втором этапе правового регулирования – реализации и действия правовых норм.

Интерполяция права на этапе правоприменения и вообще реализации законодательства чаще всего связана: 1) с возможностями личностной юридической интерпретации, следующей из несовершенства самого права (производна от этапа правотворчества); 2) широкими альтернативами возможных решений, предусмотренных самими нормами права; 3) со спецификой общественного, группового и индивидуального правосознания, а также со спецификой оборота юридической информации среди населения России.

Итак, рассмотрим примеры правовой интерполяции при процедуре правоприменения. Подмена и искажение

¹ 7 января – Рождество Христово в соответствии со ст. ТК РФ нерабочим праздничным днем. Православная Пасха – Светлое Христово Воскресение – также официально признается праздничным нерабочим днем (п. 10-1 Закона Санкт-Петербурга от 13 мая 2009 г. № 210-44 «О внесении изменений в Закон Санкт-Петербурга «О сотрудниках и памятных датах в Санкт-Петербурге» (Вестн. Законодат. Собр. Санкт-Петербурга. 2009. № 11).

смысла правовых норм при применении права происходит по многим причинам и одна из них связана с несовершенством норм и как следствие появляются произвольные трактовки смыслов правовых предписаний правоприменителями. Чаще всего такая ситуация возникает при интерпретации нормы в процессе ее применения, однако простая интерпретация – это не всегда искажение или подмена, иногда изначальный смысл ее может быть сохранен (например, если позиция законодателя относительно смысла правовой нормы совпадает с позицией правоприменителя).

Искажение или подмена смыслов происходит почти всегда при априорном изложении смысла нормы, а также в результате пробелов в ее содержании. Рассмотрим этот вид интерполяции на примере юридических норм, закрепляющих в той или иной форме мысль о том, что правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом.

Несмотря на конституционное закрепление и тот факт, что термин «правосудие» упоминается в текстах десятков нормативных правовых актов, различного уровня и юридической силы, легальная дефиниция явления обозначаемого термином «правосудие» фактически отсутствует.

Чаще всего в законах лишь отмечается, что правосудие осуществляется только судом. Например, в ст. 118 Конституции Российской Федерации утверждается, что правосудие в Российской Федерации осуществляется специализированным органом – судом. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1969 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в ч. 1 ст. 4 также утверждает, что

правосудие в Российской Федерации осуществляется только судами¹.

Статья 1 этого же закона фактически отождествляет правосудие с судебной властью, при этом интерпретируя расширительно понятие суда: «Судебная власть в Российской Федерации осуществляется только судами в лице судей и привлекаемых в установленном законом порядке к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателей. Никакие другие органы и лица не вправе принимать на себя осуществление правосудия».

Одни из последних изменений в федеральных конституционных законах «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» и от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»², вроде, определили понятие «правосудие» применительно к деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов.

Так, в ст. 4 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» говорится: «Арбитражные суды в Российской Федерации осуществляют правосудие путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции настоящим Федеральным конституционным законом, Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и принимаемыми в соответствии с ними другими федеральными законами». Понятие правосудия применительно к судам общей юрисдикции более детализировано в ст. 4 соответствующего закона: «Суды общей юрисдикции осуществляют правосудие, разрешая споры и рассматривая дела, отнесенные к их компетенции, посредством гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

¹ Рос. газ. 1997. 6 янв.

² Рос. газ. 1995. 16 мая.

Иными словами, в объем понятия «правосудие» законодательство включает только деятельность судов по рассмотрению и разрешению различных юридических дел, отнесенных законом к компетенции этих судов.

Данное определение вызывает возражения. Во-первых, дела об административных правонарушениях уполномочены рассматривать и разрешать не только судьи, но и целый ряд других субъектов (органы внутренних дел, органы и учреждения уголовно-исполнительной системы, налоговые органы и т. д.) (гл. 23 КоАП РФ). Получается, что либо все виды рассмотрения и разрешения дел об административных правонарушениях являются правосудием (которое осуществляется не только судом), либо рассмотрение и разрешение дел об административных правонарушениях – это не правосудие вообще.

Во-вторых, согласно гл. 31 УК РФ, помимо рассмотрения и разрешения уголовных дел судами, к правосудию относится и деятельность по дознанию, расследованию преступлений, а также исполнение наказаний за совершенные преступления, так как перечисленные деяния перечислены в качестве объектов уголовно-правовой охраны и обозначаются как преступления против правосудия. Получается, что правосудие расширяется уголовным законом, и в этом случае оно также осуществляется не только судом.

Как видим, законодательно понятие «правосудие» четко не определено, что предоставляет большие воз-

можности для интерпретации правосудия и, как правило, интерполяцию смысла правосудия на практике.

Значительна интерполяция права при процедуре правоприменения, происходящая из предусмотренной правовыми нормами возможности правоприменительного усмотрения. В данном случае интерполяция происходит при персонализации нормативного предписания, что правильно в общем, а применительно к конкретному лицу решение по данному правилу может играть противоположную от задуманной законодателем роли. Так, известны случаи, когда бывшие осужденные вновь совершали преступления, чтобы оказаться в местах лишения свободы, где о них заботятся¹. Следовательно, в данном случае наказание преступника не достигает цели, а выступает своего рода поощрением.

Иногда интерполяция права при процедуре правоприменения происходит официально, когда правоприменительный орган издает обязательное толкование для всех субъектов правоотношений. Тем самым фактически создается новая норма права в правоприменительном решении, подменяющая норму закона (например, некоторые решения Конституционного и Верховного судов России).

В отдельных случаях возможность интерполяции отечественного позитивного права предусматривается законом. Например, в ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации установлено: «Если международным договором Российской Федерации уста-

¹ См., напр.: Осужденный условно сам попросился в тюрьму. URL: <http://anekdot-dnya.ru/smешnye-novosti/1421-osuzhdennyj-uslovno-sam-poprosilsya-v-tyurmu>; Сбежавший зек попросился обратно в тюрьму. URL: <http://www.utro.ru/articles/2008/05/14/737794.shtml> (дата обращения: 07.11.2014).

новлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

В целом интерполяция позитивного права – это явление, пронизывающее всю правовую систему, доктрину и юридическую практику и обуславливающееся иллюзией в форме симулякра об эффективности правового регулирования. К сожалению, практика формирования и реализации законодательства свидетельствуют об обратном.

Отметим еще один симулякр о том, что теория государства и права потеряла фундаментальную роль в правоведении и юридической практике – тот несомненный факт потери отечественной теорией государства и права ведущей роли в правоведении.

Для того чтобы обосновать или опровергнуть указанный выше симулякр, выявить специфику отношения к теории государства и права со стороны обучающихся и практиков, проведено социологическое исследование. Исследование проводилось в сентябре 2015 г. В нем принимали участие 108 выпускников 2015 г. Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний (1-я группа) и 60 практических работников правоохранительных органов (суда, прокуратуры, адвокатуры, уголовно-исполнительной системы), отработавших по специальности не менее 10 лет (разбивка по категориям правоохранительных органов не проводилась, учитывался только срок работы или службы), (2-я группа). Опрос проводился в виде закрытого анкетирования, без учета демографических факторов¹.

Гипотеза исследования предполагает, что выпускники и практические работники признают значимость теории государства и права при изучении юриспруденции, для практики, с позиции респондентов, теория государства и права не нужна.

Первая группа вопросов, касалась представлений участников о сущности теории государства и права.

На вопрос о понятии теории государства и права большинство респондентов 1-й группы отметили, что теория государства и права – это наука о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, а также связанных с ними формах сознания (78,0 %). Большинство респондентов 2-й группы ответили, что теория государства и права – это наука о государстве и праве (74,2 %).

На вопрос о том, можно ли считать, что теория государства и права оказывает содействие в изучении юриспруденции, большинство респондентов ответили положительно – 82,3 % (1-я группа) и 74,6 % (2-я группа).

На вопрос о том, насколько теория государства и права помогла в изучении других юридических дисциплин, ответы были противоречивы. Так, большинство респондентов 1-й группы отметили, что теория государства и права если и помогала в изучении других дисциплин, то не существенно (58,4 %). Юристы-практики (2-я группа) в основном отметили, что теория государства и права существенно помогла в изучении других юридических дисциплин (56,8 %).

¹ Опрос проводился межвузовской рабочей группой под руководством Р. Б. Головкина и О. Д. Третьяковой, при участии преподавателей, адъюнктов и студентов Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний и Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Интересен тот факт, что 3,2% выпускников теория государства и права мешала в изучении других юридических дисциплин.

На вопрос о том, что из теории государства и права чаще всего используется отраслевыми юридическими науками, ответы участников опроса обеих групп были схожи, и большинство из них отметили, что теория государства и права используется отраслевыми юридическими науками. Обычно это использование происходит в части: понятийно-категориального аппарата, правовых символов, правил формирования нормативных правовых актов, учения об актах реализации законодательства, учения о юридической ответственности, учения о правоотношении и юридических фактах. Иными словами, большинство респондентов отметили в анкетах графу «все перечисленное» 74,1 % (1-я группа) и 82,4 % (2-я группа).

На вопрос о явлениях, изучаемых теорией государства и права, но первом месте оказался ответ, что теория государства и права изучает наиболее общие, закономерные явления, характеризующие бытие государства и права – 54,6 % (1-я группа) и 67,2 % (2-я группа). Второе место занял ответ о том, что теория государства и права изучает, как правило, закономерные и случайные явления, характеризующие бытие государства и права – 42,1 % (1-я группа) и 33,3 % (2-я группа).

В целом результаты анкетирования по данной группе вопросов свидетельствуют о верных представлениях выпускников и практиков о сущности теории государства и права.

Вторая группа вопросов была направлена на изучение оценок значения теории государства и права для практики.

На вопрос о том, насколько необходима теория государства и права для юридической практики, получены утвердительные ответы у 72,4 % юристов-практиков, а 68,6 % выпускников отдали предпочтение ответу, согласно которому, что теория государства и права необходима лишь для отдельных видов юридической практики (например, для правотворчества).

На вопрос о том, что первично – теория государства и права или юридическая практика, большинство респондентов 1-й группы ответили, что первична практика, так как на основе практики формируются различные концепции и в конечном итоге теория – 72,1 %. Респонденты 2-й группы в основном выбрали ответ о том, что в отдельных случаях первична практика, так как обуславливает необходимость в теоретическом обобщении, но на основании этого обобщения теорией планируется будущая практика – 60,6 %.

На вопрос о том, в чем проявляются значение теории государства и права для правоприменительных процессов, респонденты 1-й группы преимущественно ответили, что значение теории государства и права проявляется: во влиянии на правовое поведение участников правоотношений, в отражении теоретической информации в письменных юридических предписаниях и в систематичности воздействия теоретических сведений на поведение индивидов, – 56,6 %. 2-я группа опрошенных считает, что значение теории государства и права проявляется во влиянии на правовое поведение участников правоотношений – 73,8%.

На вопрос о том, что можно ли считать теорию правотворчества частью юридической практики в виде законодательства, в обеих группах в основном

ответили, что теория и практика законодательства это взаимосвязанные, но самостоятельные явления, поэтому можно считать теорию частью практики правотворчества, но и наоборот, практика правотворчества – часть теории правотворчества – 72,1 % (1-я группа), 69,2 % (2-я группа).

В целом по данной группе ответов можно заключить, что все респонденты достаточно высоко оценивают значение теории государства и права для юридической практики.

В рамках **третьей группы** вопросов изучалась регулятивная роль теории государства и права.

На вопрос о том, можно ли с помощью теоретической концепции регулировать правовые отношения, респонденты ответили неоднозначно. Первое место заняли два ответа. Во-первых, ответ о том, что с помощью теоретической концепции можно регулировать правовые отношения в правовых системах, где правовая доктрина признается в качестве источника права, – 44,2 % респондентов (1-я группа) и 38,5 % респондентов (2-я группа). Во-вторых, значительную долю положительных ответов получил вопрос о том, что с помощью теоретической концепции можно регулировать правовые отношения, но не непосредственно, а через правосознание – 36,8 % (1-я группа) и 43,0 % практиков (2-я группа).

На вопрос о формировании теорией государства и права жизненных стратегий и целевых установок личности положительно ответили 83,6 % выпускников (1-я группа) и 88,1 % практиков (2-я группа).

На вопрос о том, с каких теоретических позиций оценивается собственное поведение и поведение других лиц, большинство респондентов

обеих групп ответили, что оценивают свое поведение и поведение других лиц на основе теории прав человека, теории правоотношений, теории государства и теории юридической ответственности 66,3 % (1-я группа) и 70,0 % (2-я группа).

Вопрос о том, насколько современная теория государства и права регулирует общественные отношения, положительно для себя решили 33,9 % выпускников (1-я группа) и 12,0 % практиков (2-я группа). Отрицательно на этот вопрос ответили 54,7 % выпускников и 88,0 % практиков.

В целом, анализируя ответы по вопросам данной группы, можно считать, что у теории государства и права имеется определенный регулятивный потенциал, а это, в свою очередь, свидетельствует об еще одном направлении интерполяции позитивного права.

Итак, резюмируя итоги исследования, можно заключить, что гипотеза опроса подтвердилась

Во-первых, с точки зрения респондентов – участников проведенного исследования, необходимость в теории государства и права для юриспруденции бесспорна. Это наука и учебная дисциплина, формирующая понятийную базу правосознания будущих юристов.

Во-вторых, значение теории государства и права неочевидно для выпускников юридического вуза, но вполне осязаемо и понятно для юристов-практиков.

В-третьих, теория государства и права имеет некоторые регулятивные свойства, как правило, опосредованные через правосознание, что является дополнительным основанием интерполяции позитивного права и обстоятельства.

Регулятивность теории государства и права обусловлена ее влиянием на правосознание субъектов правоотношений, кроме того, теория государства и права – это часть правовой доктрины как источника права.

Следовательно, теория государства и права в глазах выпускников юридических вузов и практиков с многолетним стажем имеет существенное значение и для правовой науки в целом, и для юридической практики, в частности.

Таким образом, государство и право, предмет исследования теории государства и права выступают юри-

дическими относительно иллюзорными, мыслимыми конструкциями в виде реальных явлений данных нам в ощущениях и частично в форме юридических симулякров. Юридические иллюзии и симулякры государства и права и их предмета сегодня занимают достаточно прочное место в общественном сознании и играют не только негативную роль (в отдельных случаях интерполяции позитивного права), но и имеют позитивное значение для организации общественных отношений и поддержания стабильности жизнедеятельности общества.

Библиографический список

1. *Крусс В. И.* О современном состоянии юридической науки / В. И. Крусс // Юридическая наука и ее значение в современном обществе : сб. докл. Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 11 апр. 2013 г. / под ред. Т. Н. Радько, А. В. Корнева, С. В. Липеня. – М., МГЮА, 2014. – С. 33–35.

2. *Лазарев В. В.* Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) / В. В. Лазарев // *Lex Russica*. – 2013. – № 2. – С. 181–191.

References

1. *Kruss V. I.* About the current state of legal science. *Legal science and its importance in modern society*. Ed. by T. N. Rad'ko, A. V. Korneva, S. V. Lipen'. M., MGYuA, 2014. P. 33–35.

2. *Lasarev V. V.* Legal science: current state, challenges and prospects (reflections theorist) *Lex Russica*. 2013. No. 2. P. 181–191.

Р. Б. Головкин, Ю. П. Колесникова

**ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
ГЛАЗАМИ ВЫПУСКНИКОВ И ПРАКТИКОВ
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Аннотация. Исследование посвящено анализу отношения к теории государства и права выпускников юридического вуза. А так же отношение к ней практических работников отработавших (прослуживших) в сфере правоприменения не менее 10 лет.

Ключевые слова: теория государства и права, предмет теории государства и права, регулирований, правоохранительные органы, выпускники юридического вуза.

R.B. Golovkin, Yu. P. Kolesnikova

**THEORY OF GOVERNMENT AND RIGHTSEYES
OF GRADUATES AND PRACTICE
(BASED ON THE RESULTS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH)**

Abstract. The study is devoted to the analysis of the relationship to the theory of state and law graduates of law school. As well as the attitude of the practitioners fulfilled (have served) in the field of law enforcement at least 10 years.

Key words: Theory of State and Law, the subject of the theory of law, regulation, law enforcement, law school graduates.

В последние годы, все чаще, ведущие ученые нашей страны проявляют озабоченность, о современном состоянии теории государства и права². Теория государства и права «плоть от плоти» нашего общества, следовательно, длящиеся уже более двух десятилетий социальные реформы и возникающие при этом проблемы, безусловно, отражаются и на этой науке.

Считается, что одна из проблем теории государства и права это то обстоятельство, что теория государства

и права потеряла фундаментальную роль в правоведении и юридической практике.

Что бы обосновать или опровергнуть этот тезис, а также выявить специфику отношения к теории государства и права со стороны обучающихся и практиков проведено социологическое исследование. Исследование проводилось в сентябре 2015 года. В исследовании принимали участие 108 выпускников 2015 года Владимирского юридического института ФСИН России (1-я группа) и 60 практических

© Головкин Р. Б., Колесникова Ю. П., 2015.

² Например, Лазарев В.В. Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика)// «Lex Russica», 2013, №2; Крусс В.И. О современном состоянии юридической науки./ Юридическая наука и ее значение в современном обществе: сборник докладов на международной научно-практической конференции. М..2015;перспективы (размышления теоретика)// «Lex Russica», 2013, №2; Крусс В.И. О современном состоянии юридической науки./ Юридическая наука и ее значение в современном обществе: сборник докладов на международной научно-практической конференции. М..2015;

работников правоохранительных органов (суда прокуратуры, адвокатуры, ФСИН), отработавших по специальности не менее 10 лет (разбивка по категориям правоохранительных органов не проводилась, учитывался только срок работы или службы), (2-я группа). Опрос проводился в виде закрытого анкетирования, без учета демографических факторов¹.

Объект исследования составили общественные отношения, связанные с изучением теории государства и права.

Предмет исследования: отношение к теории государства и права со стороны лиц, заканчивающих получение высшего юридического образования по программе специалитета и выпускников юридических вуза, осуществляющих практическую правоохранительную деятельность отработавших по специальности не менее 10 лет.

Цель исследования: установить закономерности отношения к теории государства и права от теории к практике.

Задачи исследования:

- 1) определить уровень остаточных знаний у выпускников и практиков по теории государства и права;
- 2) установить особенности отношения к теории государства и права выпускников;
- 3) установить особенности отношения к теории государства и права у юристов-практиков;
- 4) выявить значение теории государства и права для юридической практики.

Гипотеза исследования предполагает, что выпускники и практические работники признают значимость теории государства и права при изучении юриспруденции, для практики с позиции респондентов, теория государства и права не нужна.

Анкеты² были подготовлены с вариантами ответов, причем допускалось несколько вариантов ответов на один вопрос, вследствие чего по некоторым вопросам общий процент ответов превышал сто процентов. Все вопросы, условно, можно подразделить на несколько групп.

Первая группа вопросов, касалась представлений участников о сущности теории государства и права

На вопрос о понятии теории государства и права большинство респондентов первой группы отметили, что теория государства и права это наука о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, а также связанных с ними форм сознания (78 %). Большинство респондентов второй группы ответили, что теория государства и права это наука о государстве и праве.

На вопрос о том, можно ли считать, что теория государства и права является хорошим подспорьем в изучении юриспруденции? Большинство респондентов ответили положительно – 82,3 % (1-я группа) и 74,6 % (2-я группа).

На вопрос о том, насколько теория государства и права помогла Вам в изучении других юридических дисциплин, ответы были противоречивы. Так, большинство респондентов 1-ой

¹ Опрос проводился межвузовской рабочей группой Р.Б. Головкиным и О.Д. Третьяковой, при участии преподавателей, адъюнктов и студентов ФКОУ ВПО «Владимирский юридический институт федеральной службы исполнения наказаний» и ФБОУ ВО «Владимирский государственный гуманитарный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»

² См. приложение №1.

группы отметили в своих ответах, что теория государства и права если и помогла в изучении других дисциплин, то не существенно (58,4 %). 19,2 % Юристы практики (2-я группа) в большинстве отметили, что теория государства и права существенно помогла в изучении других юридических дисциплин (56,8 %).

Интересен тот факт, что 3,2 % выпускников теория государства и права мешала в изучении других юридических дисциплин.

На вопрос о том, что из теории государства и права чаще всего используется отраслевыми юридическими науками, ответы участников опроса обеих групп были схожи и большинство из них отметили, что теория государства и права используется отраслевыми юридическими науками. Обычно это использование происходит в части: понятийно-категориального аппарата, правовых символов, правил формирования нормативно-правовых актов, учения об актах реализации законодательства, учения о юридической ответственности, учения о правоотношении и юридических фактах. Иными словами большинство респондентов отметили в анкетах графу «все перечисленное» 74,1 % (1-я группа) и 82,4 % (2-я группа).

На вопрос о явлениях изучаемых теорией государства и права первое место среди участников анкетирования получил ответ, что теория государства и права изучает наиболее общие, закономерные явления, характеризующие бытие государства и права 54,6 % (1-я группа) и 67,2 % (2-я группа). Второе место занял ответ о том, что теория государства и права изучает, как правило, закономерные и случайные явления, характеризующие

бытие государства и права 42,1 % (1-я группа) и 33,3 % (2-я группа).

В целом результаты анкетирования по данной группе вопросов свидетельствуют о верных представлениях выпускников и практиков о сущности теории государства и права.

Вторая группа вопросов была направлена на изучение оценок значения теории государства и права для практики

Вопрос: «Насколько необходима теория государства и права для юридической практики?» получил утвердительный ответ у 72,4 % юристов-практиков, а 68,6 % выпускников отдали предпочтение ответу, о том, что теория государства и права необходима лишь для отдельных видов юридической практики (например, для правотворчества).

На вопрос о том, что первично теория государства и права или юридическая практика большинство респондентов первой группы ответили, что первична практика, т.к. на основе практики формируются различные концепции и, в конечном итоге, теория – 72,1 %. Респонденты второй группы, в основном, выбрали ответ о том, что в отдельных случаях первична практика, т.к. обуславливает необходимость в теоретическом обобщении, но на основании этого обобщения теорией планируется будущая практика – 60,6 %.

На вопрос о том, в чем проявляются значение теории государства и права для правоприменительных процессов, респонденты первой группы преимущественно ответили, что значение теории государства и права проявляется: во влиянии на правовое поведение участников правоотношений, в отражении теоретической информации в письменных юридических предписаниях и

в систематичности воздействия теоретических сведений на поведение индивидов – 56,6 %. Вторая группа опрошенных больше всего отметила ответ, о том, что значение теории государства и права проявляется: во влиянии на правовое поведение участников правоотношений – 73,8 %.

На вопрос о том, что можно ли считать теорию правотворчества частью юридической практики в виде законотворчества, наибольшее количество в обеих группах получил ответ о том, что теория и практика законотворчества это взаимосвязанные, но самостоятельные явления, поэтому можно считать, теорию частью практики правотворчества, но и наоборот – практика правотворчества, часть теории правотворчества – 72,1 % (1-я группа), 69,2 % (2-я группа).

В целом, по данной группе ответов на вопросы можно заключить, что все респонденты достаточно высоко оценивают значение теории государства и права для юридической практики.

В рамках третьей группы вопросов изучалась регулятивная роль теории государства и права.

На вопрос о том можно ли с помощью теоретической концепции регулировать правовые отношения, респонденты ответили неоднозначно. «Пальму первенства» поделили два ответа: во-первых ответ о том, что с помощью теоретической концепции можно регулировать правовые отношения, в правовых системах, где правовая доктрина признается в качестве источника права – 44,2 % респондентов 1-й группы и 38,5 % респондентов 2-й группы. Во-вторых, значительную долю положительных ответов получил вопрос о том, что с помощью теоретической концепции можно регулировать правовые отношения, но не

напрямую, а через правосознание 36,8 % – выпускников (1-я группа) и 43,0 % практиков (2-я группа).

На вопрос о формировании теорией государства и права жизненных стратегий и целевых установок личности положительно ответили 83,6 % выпускников и 88,1 % практиков.

На вопрос о том, с каких теоретических позиций Вы оцениваете, свое поведение, и поведение других лиц? Большинство респондентов обеих групп ответили, что оценивают свое поведение и поведение других лиц на основе теории прав человека, теории правоотношений, теории государства и теории юридической ответственности 66,3 % (1-я группа) и 70,0 % (2-я группа).

Вопрос о том насколько современная теория государства и права регулирует общественные отношения, положительно для себя решен 33,9 % выпускников и 12,0 % практиков. Отрицательно на этот вопрос ответили 54,7 % выпускников и 88,1 % практиков.

В целом анализируя ответы по вопросам данной группы, можно считать. У теории государства и права имеются определенные регулятивные свойства, как правило, опосредованные через другие явления и обстоятельства.

В целом, резюмируя итоги исследования можно заключить, что гипотеза опроса подтвердилась

Во-первых, с точки зрения респондентов – участников проведенного исследования необходимость в теории государства и права для юриспруденции бесспорна. Это наука и учебная дисциплина, формирующая понятийную базу правосознания будущих юристов.

Во-вторых, значение теории государства и права неочевидно для выпускников юридического вуза, но

вполне осязаемо и понятно для юристов-практиков.

В-третьих, теория государства и права имеет некоторые регулятивные свойства, как правило, опосредованные через другие явления и обстоятельства. Регулятивность теории государства и права обусловлена ее влиянием на правосознание субъектов пра-

воотношений, кроме того, теория государства и права это часть правовой доктрины как источника права.

Таким образом, теория государства и права в глазах выпускников юридических вузов и практиков с многолетним стажем имеет существенное значение и для правовой науки в целом и для юридической практики в частности.

Приложение

Анкета

Социологическое исследование о роли теории государства и права в реализации юридической практике, %

Вопрос	Ответ	
	1-я группа	2-я группа
Как Вы считаете, что такое теория государства и права?		
Это наука о государстве и праве	5,1	74,2
Это обобщение особенностей бытия права и государства	5	7,5
Это концепция взаимодействия государства и права	0	5,4
Это наука о наиболее общих закономерностях возникновения, развития и функционирования государства и права, а также связанных с ними формах сознания	78	9,8
Все перечисленное	11,9	3,1
Можно ли считать, что теория государства и права является хорошим подспорьем в изучении юриспруденции?		
Скорее «нет», чем «да»	1,3	86,2
Да, можно	71,4	12,4
Скорее «да», чем «нет»	24,6	2,4
Достаточно ли для будущего юриста изучение только теории права?		
Да, достаточно	28,3	37,5
Нет, так позитивное право – это инструмент государства	9,3	7,4
Достаточно, но при условии дополнительного изучения государства отдельным курсом	54,2	48,6
Затрудняюсь ответить	8,2	6,5
Насколько необходима теория государства и права для юридической практики?		
Нет необходимости	1,6	3,4
Необходима	68,6	72,4
Необходима, но только для отдельных видов юридической практики (например, для правотворчества)	26,7	21,6
Затрудняюсь ответить	3,1	2,6
Насколько теория государства и права помогла Вам в изучении других юридических дисциплин?		
Существенно помогла	29,2	56,8
Помогла, но несущественно	58,4	26,9
Не помогла	9,2	15,2
Помешала	3,2	1,1

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Что из теории государства и права чаще всего используется отраслевыми юридическими науками?		
Понятийно-категориальный аппарат, правовые символы	12,1	12,3
Правила формирования нормативно-правовых актов, учение об актах реализации законодательства	9,5	1,2
Учение о юридической ответственности	2,1	1,9
Учение о правоотношении и юридических фактах	2,2	2,2
Все перечисленное	74,1	82,4
Как Вы считаете, что первично теория государства и права или юридическая практика?		
Практика, так как на основе практики формируются различные концепции и, в конечном итоге теория	72,1	26,5
Теория государства и права, так как с помощью ее планируется юридическая практика	7,4	9,1
В отдельных случаях первична практика, так как обуславливает необходимость в теоретическом обобщении, но на основании этого обобщения теорией планируется будущая практика	18,8	60,6
Затрудняюсь ответить	1,7	3,8
Как Вы считаете, какие явления изучает теория государства и права?		
Часто повторяющиеся в сфере государства и права	27,7	18,2
Наиболее общие, закономерные явления, характеризующие бытие государства и права	54,6	67,2
Закономерные и случайные явления, характеризующие бытие государства и права	13,4	12,4
Затрудняюсь ответить	4,3	2,2
Можно ли с помощью теоретической концепции регулировать правовые отношения?		
Нет	2,8	3,2
Да, в правовых системах, где правовая доктрина признается в качестве источника права	44,2	38,5
Непосредственно – нет, но может влиять через правосознание	36,8	43,0
Затрудняюсь ответить	16,2	15,3
Можно ли считать теорию правотворчества частью юридической практики в виде законотворчества?		
Нет	3,6	6,2
Да, без теории правотворчества трудно создать качественный нормативный правовой акт	16,4	19,3
Это взаимосвязанные, но самостоятельные явления, поэтому можно считать теорию частью практики правотворчества, но и наоборот, практика – часть теории правотворчества	72,1	69,2
Затрудняюсь ответить	7,9	5,3
Можно ли считать, что теория государства формируют целевые установки и жизненные стратегии субъектов правоотношений?		
Полностью согласен(на)	83,6	88,1
В большей степени согласен(а)	9,2	8,6
И да, и нет	3,5	1,2
Затрудняюсь ответить	3,7	2,1
Может ли теоретическая, государственно-правовая информация иметь юридическое выражение?		
Не может	3,6	66,7
Может лишь в случае правоотношения	56,2	12,3
И да, и нет	15,4	11,7
Затрудняюсь ответить	4,8	9,3

В чем проявляется значение теории государства и права для правоприменительных процессов?		
Во влиянии на правовое поведение участников правоотношений	10,5	73,8
В отражении теоретической информации в письменных юридических предписаниях	14,1	3,8
В систематичности воздействия теоретических сведений на поведение индивидов	18,8	7,5
Все перечисленное	56,6	14,9
К неправовым теоретическим сведениям, влияющим на правовое поведение, можно отнести		
Сведения, вызывающие страх	2,5	8,1
Сведения, вызывающие гнев	5,5	12,9
Сведения, пробуждающие чувство собственника	15,6	12,7
Все перечисленное	76,4	66,3
Могут ли некоторые теоретико-правовые концепции напрямую регулировать правоотношения?		
Нет	8,1	46,3
Могут при определенных условиях жизнедеятельности индивидов (если концепция включена в текст закона или подзаконного нормативного акта)	49,5	32,5
Да, могут (современное право по вопросам обыденной жизни среднестатистического индивида фактически не регулирует общественные отношения, уступая иным социальным регуляторам, в том числе теоретическим концепциям)	36,6	10,8
Затрудняюсь ответить	5,8	10,4
Из каких источников Вы получили информацию теоретико-правового характера?		
Из средств массовой информации (Интернет, телевидение, радио и т. д.)	2,4	34,8
Из лекций и семинарских занятий	46,4	25,2
Из учебников	25,6	14,8
От других людей (сослуживцев, родных, начальства и т. д.)	5,6	9,1
Все перечисленное	20	16,1
На основе каких теоретических позиций Вы оцениваете свое поведение и поведение других лиц?		
На основе теории прав человека	9,4	7,2
На основе теории правоотношений	8,7	6,9
На основе теории государства	6,2	9,7
На основе теории юридической ответственности	9,4	6,2
Все перечисленное	66,3	70,0
Как Вы думаете, может ли теория государства и права быть устной?		
Да, при определенных обстоятельствах (например, когда не было письменности)	1,3	46,6
Нет, любая теория должна быть письменной, чтобы с ней мог ознакомиться любой человек	52,4	31,4
Может, так как не все право выражено в законе, следовательно, и не вся теория может быть записана	39,6	10,3
Нет, так как теряется формальность и лапидарность теории (устную информацию можно слушать непосредственно, а письменную в любой момент, когда информация написана)	5,4	9,3
Затрудняюсь ответить	1,3	2,4
Как Вы считаете, насколько современная теория государства и права регулирует общественные отношения?		
Считаю, что теория государства и права регулирует общественные отношения достаточно эффективно, через правосознание юристов	33,9	12,0

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Теория государства и права не регулирует общественные отношения, она регулирует процедуру юриспруденции	3,2	0
Может, так как не все право выражено в законе, следовательно, и не вся теория может быть записана	6,6	0
Нет, так как теряется формальность и лапидарность теории (устную информацию можно слушать непосредственно, а письменную – в любой момент, когда информация написана)	57,4	88,0
Затрудняюсь ответить	1,6	0

Библиографический список

1. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр ; пер. О. А. Печенкиной. – Тула : Тульский полиграфист, 2013. – 204.
2. *Головкин Р. Б.* Сущность юридической интерполяции / Р. Б. Головкин // Вестн. Владим. юрид. ин-та. – 2014. – № 4(33). – С. 155–162.
3. *Лазарев В. В.* Юридическая наука: современное состояние, вызовы и перспективы (размышления теоретика) / В. В. Лазарев // Lex Russica. – 2013. – № 2. – С. 181–191.

References

1. *Bodriyyaz Zh.* The simulacra and simulation. Transl. O. A. Pechenkina. Tula, Tul'skij Poligrafist, 2013. 204 p.
2. *Golovkin R. B.* The legal entity interpolation. *Vestnik Vladimirskogo Yuridicheskogo Instituta.* 2014. No. 4(33). P. 155–162.
3. *Lasarev V. V.* Legal science: current state, challenges and prospects (reflections theorist) *Lex Russica.* 2013. No. 2. P. 181–191.

Е. Р. Крайнова

РАБОТНИКИ АППАРАТА СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье автор рассматривает аппарат судов апелляционной инстанции в Российской империи второй половины XIX – начала XX в. и в Российской Федерации с целью выработки практических рекомендаций по совершенствованию действующего гражданско-процессуального законодательства.

Ключевые слова: апелляционная инстанция, аппарат суда апелляционной инстанции, помощник судьи, Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение.

E. R. Krajnova

ON THE ISSUE OF THE DEVICE OF THE COURT OF APPEAL: PAST AND PRESENT

Abstract. The author considers the device of appellate courts in the Russian Empire of the second half XIX – beginning of XX century and the Russian Federation, in order to develop practical recommendations for improvement of the current civil procedural law.

Key words: appeal court, the device of appellate courts, deputy judge, Judicial charters 1864, the Civil procedural code of the Russian Federation, chrono-discrete mono-geography comparative law.

Судебная система Российской Федерации, являющаяся основным институтом защиты прав и свобод граждан, подвергается постоянному процессуально-правовому и организационному совершенствованию. Федеральным законом от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации»¹ установлен единый для всех судов общей юрисдикции апелляционный порядок проверки не вступивших в законную силу судебных актов. Вместе с тем нельзя сказать, что институт апелляции в судах общей юрисдикции является новеллой современного законодательства. В результате

проведенной в 1864 г. судебной реформы были созданы Судебные палаты, вплоть до 1917 г. осуществлявшие проверку законности не вступивших в силу судебных актов окружных судов в апелляционном порядке.

Исторический опыт, на наш взгляд, представляет значительный интерес для современного законодателя и правоприменителя. Представляется возможным использовать методологию хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения, разработанную для сравнения государственных и правовых институтов, в существовании которых в силу тех или иных причин имеется

© Крайнова Е. Р., 2015

¹ Рос. газ. 2010. 13 дек.

временной разрыв. Одним из принципов хронодискретного моногеографического сравнительного правоведения является выработка практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства на основе сравнения исторического опыта и современности¹.

Для нормального функционирования институт апелляционных судов нуждается в квалифицированном вспомогательном аппарате. Несмотря на то, что и судебная реформа 1864 г. и действующее процессуальное законодательство неоднократно становились объектами правового исследования ученых², фундаментальные труды, полностью или частично посвященные работникам аппарата суда апелляционной инстанции, отсутствуют.

Слово «аппарат» происходит от латинского «apparatus», что означает «совокупность работников какой-либо организации, учреждения»³. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» определяет, что аппарат суда осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется председателю соответствующего суда⁴. Работники аппарата суда являются государственными служащими, им присваиваются классные чины и другие специальные звания. Согласно ч. 1 ст. 38 Федерального конституционного закона от 7 февр.

2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», организационное обеспечение деятельности федерального суда общей юрисдикции по осуществлению правосудия осуществляет аппарат этого суда⁵. Обобщая изложенное, можно определить аппарат суда апелляционной инстанции как совокупность государственных гражданских служащих, осуществляющих организацию и обеспечивающих деятельность в судах апелляционной инстанции и подчиняющихся председателю соответствующего суда.

Учреждением судебных установлений 1864 г. было определено, что при судебных местах находятся: канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству и нотариусы. Канцелярии судебных палат состоят из определенного штатами числа секретарей и их помощников. Деятельность канцелярии судебных мест должна ограничиваться исключительно письмоводством, т.е. ведением входящих и исходящих реестров, составлением по распоряжению присутствия протоколов, изготовлением копий с постановленных судом решений для выдачи участвующим в деле лицам и т. п. Избрание и утверждение в должности секретарей и помощников секретарей представлено председателям судебных

¹ Демичев А. А. О перспективах развития научного направления «Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение» // Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. науч. тр. / под ред. А. А. Демичева. Н. Новгород, 2013. Вып. 5. С. 9.

² Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2008 ; Ульянов А. В. Особенности процедуры пересмотра вступивших в законную силу решений суда в период проведения судебной реформы 1864 г. // Пробелы в рос. законодательстве. 2008. № 2. С. 300–302 ; Харитонов А. С. К. П. Победоносцев: консервативная критика «Судебных уставов» 1864 г. // Там же. 2012. № 4. С. 160–163.

³ Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права : учеб. для вузов. М., 1997. С. 62.

⁴ Рос. газ. 1997. 6 янв.

⁵ Там же. 2011. 11 февр.

мест. Для переписки бумаг состоят в канцеляриях судебных мест канцелярские чиновники, на содержание коих в размере, определяемом по усмотрению их начальства, а равно на наем писцов и на канцелярские расходы, отпускается по штатам определенная сумма¹.

Судебная система нашего времени независима и автономна от судебных приставов, нотариусов и каких-либо других государственных и негосударственных органов и организаций. Суды Российской Федерации состоят из судей, отправляющих правосудие, и аппарата судов, осуществляющих координацию этой деятельности и ее техническое сопровождение. Аппарат суда, в свою очередь, состоит из соответствующих структурных подразделений (отделов), помощника председателя суда и помощников судей, также должностей, не относящихся к федеральной государственной гражданской службе.

Ясно, что в современных судах апелляционной инстанции работа аппарата значительно сложнее, чем в дореволюционной апелляции. Однако говорить о том, что все вопросы, касающиеся работы аппарата суда надлежаще урегулированы законодательством, нельзя.

В настоящее время в судах действует Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 21 декабря 2012 г. № 238 «Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции»². Согласно данному приказу аппарат суда осуществляет организационное обеспечение деятельности федерального

суда общей юрисдикции, которое включает в себя мероприятия кадрового, финансового, материально-технического, информационного, аналитического, статистического, документационного и иного характера, направленные на создание условий для полного и независимого правосудия. Так, в структуру аппарата верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и суда автономного округа могут входить: отдел делопроизводства, отдел обеспечения судопроизводства по гражданским делам, отдел обеспечения судопроизводства по уголовным делам, отдел по обеспечению деятельности президиума суда, отдел судебной статистики и правовой информатизации, кодификации и систематизации законодательства, обобщения судебной практики, отдел государственной службы и кадров, отдел материально-технического обеспечения, эксплуатации и ремонта зданий, финансово-бухгалтерский отдел.

Должности «помощник председателя суда», «помощник судьи» федерального суда общей юрисдикции в состав отделов не включаются, поскольку должности категории «помощники» учреждаются для содействия лицам, замещающим государственные должности, в реализации их полномочий и замещаются на определенный срок.

Для занятия должности помощника судьи необходимо высшее юридическое образование, стаж государственной гражданской службы не менее двух лет или не менее четырех лет

¹ Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть третья. Спб, 1867. Ст. 30, 93.

² Бюл. актов по судеб. системе. 2013. № 6.

стажа работы по юридической специальности¹. Фактически именно помощник судьи осуществляет организацию судебного процесса, а именно: изготавливает проекты судебных актов; направляет лицам, участвующим в деле, извещения о месте и времени судебного заседания; размещает сведения о движении дела в сети «интернет»; составляет статистические отчеты о работе судьи, запросы, справки, факсограммы и многое другое. Очевидно, что помощники судей занимают особое место в аппарате суда, как федеральные государственные служащие, осуществляющие не техническую работу, а непосредственно участвующие при отправлении правосудия.

Однако в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации отсутствует соответствующая норма права, закрепляющая правовой статус и полномочия помощников судей.

Опрос судей и работников аппарата Владимирского областного суда показал, что 87 % респондентов поддерживают закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации статуса помощника судьи и фактически выполняемых им полномочий по выполнению подготовительных и части распорядительных действий, правовые последствия которых не препятствуют дальнейшему движению дела. По мнению судей, су-

ществующий ныне пробел в процессуальном законодательстве приводит к нерациональному использованию труда данных работников аппарата, являющихся не просто техническими сотрудниками, а профессиональными юристами. Кроме того, более рациональное использование знаний и умений помощников судей позволило бы значительно уменьшить нагрузку на судей, повысить качество кадрового запаса судебного корпуса.

Вопрос о роли помощника судьи и необходимости правового закрепления его процессуального статуса является актуальным среди ученых.

Н. А. Клевцов, обосновывая необходимость совершенствования гражданского процесса, ссылается на необходимость процессуального закрепления статуса помощника судьи, предоставив ему возможность рассматривать ряд несложных гражданских дел².

М. Л. Скуратовский указывает на то, что привлечение помощников судей к подготовке дела, без совершения ими юрисдикционных действий, является распространенной мировой практикой, например, при проведении собеседования, решении организационных вопросов процесса³.

Перспективным, на наш взгляд, было бы использование оправдавшего себя зарубежного опыта. В частности, в США, Англии, Германии, помощник обладает достаточно большим кругом процессуальных полномочий.

¹ Об утверждении типовых должностных регламентов помощника председателя суда (судьи) верховного суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда : приказ Судеб. департамента при Верхов. Суде Рос. Федерации от 6 дек. 2010 г. № 272 // Бюл. актов по судеб. системе. 2014. № 4.

² Клевцов Н. А. К вопросу о модернизации гражданского правосудия // Арбитраж. и гражд. процесс. 2011. № 9.

³ Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 14.

При рассмотрении дел в Суде Евразийского экономического сообщества обязательным субъектом подготовки является помощник судьи-докладчика, который подготавливает материалы судебной практики, предложения о необходимости проведения консультаций специалистов, назначения экспертизы, проведения выездного судебного заседания, осуществляет иные процессуальные действия¹.

В Англии помощники судей наделены полномочиями по совершению подготовительных действий², что свидетельствует об их достаточно высокой роли, поскольку в странах англосаксонской правовой системы имеет место тенденция к досудебному разрешению споров, для которых стадия подготовки является заключительной.

Помощник судьи в США (клерк) обладает полномочиями на проведение юридического исследования, подготавливает справки по делу, состав-

ляет распоряжения и мнения по отдельным вопросам, редактирует распоряжения, собирает документы, обеспечивает вызов сторон в зал суда³. Клерки занимаются составлением памяток для судей по делу в целях экономии времени рассмотрения спора⁴.

Исходя из вышеизложенного представляется, что законодательное закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации статуса и полномочий помощников судей в судах апелляционной инстанции в перспективе, несомненно, будет способствовать совершенствованию работы российских судов и эффективной реализации судьями своих полномочий при отправлении правосудия. Кроме того, данная мера положительно скажется на материальном обеспечении данной категории федеральных государственных гражданских служащих, сделает их работу престижной.

Библиографический список

1. Хронодискретное моногеографическое сравнительное правоведение : сб. научн. тр. / под ред. А. А. Демичева. – Вып. 5. – Н. Новгород, 2013.
2. Борисова Е. А. Апелляция в гражданском (арбитражном) процессе / Е. А. Борисова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2008.
3. Скуратовский М. Л. Подготовка дела к судебному разбирательству в арбитражном суде первой инстанции : автореф. дис. канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2006.

References

1. Chrono discrete mono geographical comparative law: Coll. scientific. tr. / Ed. A.A. Demicheva. Vol. 5. Nizhny Novgorod, 2013.
2. Borisova E.A. Appeals in civil (arbitration) process. 3rd ed., Rev. and add. - M.: Publishing House "Gorodets", 2008.
3. Skuratovsky M.L. Preparation of the case for trial in the arbitration court of the first instance: Author. Dis. cand. jurid. Sciences - Ekaterinburg 2006.

¹ О Регламенте Суда Евразийского экономического сообщества : решение Суда Евраз. экон. сообщ. от 12 июля 2012 г. № 21 // Рос. газ. 2012. 10 окт.

² Решетникова И. В. Концепция подготовки дела к судебному разбирательству // Современная доктрина гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: теория и практика : сб. науч. ст. Краснодар ; СПб., 2004. С. 299–302.

³ Прокудина Л. А. Зарубежный опыт использования помощника судьи // Рос. судья. 2009. № 6.

⁴ Там же.

Н. В. Макарейко

**УБЕЖДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ:
ЕДИНСТВО И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ**

Аннотация. Статья посвящена характеристике основных методов государственного управления, которыми являются убеждение и принуждение. Рассмотрены вопросы их единства, противоречия и взаимодействия.

Ключевые слова: право, метод, управление, убеждение, принуждение.

N. V. Makarej`ko

PERSUASION AND STATE COERCION: THE UNITY AND COOPERATION

Abstract. This article is devoted to the basic methods of governance, which is a persuasion and state coercion. The questions of their unity, contradictions and interactions are considered.

Key words: law, method, governance, persuasion, coercion.

Вопросы методов государственного управления традиционно привлекают внимание исследователей. Такое положение вполне объяснимо, так как именно они во многом определяют результативность управленческой деятельности. Реформирование экономических, политических, социально-культурных отношений в России требует в первоочередном порядке проведения ревизии используемого управленческого инструментария.

Широкий перечень задач, которые стоят перед государством, его органами, требует применения самых разнообразных средств государственного властного воздействия. В этой связи современное государство располагает такими средствами и применяет их. Следует иметь в виду, что управленческая деятельность носит творческий вариативный характер. Это означает, что программированный результат может быть получен различными путями. Вместе с тем важен не только и не столько полученный результат, но

и та цена, которая при этом была уплачена. Иезуитский принцип «цель оправдывает средства» здесь объективно неуместен. Провозглашение Российской Федерации социальным государством, декларирование в ст. 2 Конституции Российской Федерации прав и свобод в качестве основных ценностей требуют принципиальной ревизии используемого государственно-властного инструментария.

Применяемые методы государственного управления в зависимости от объема решаемых задач подразделяют на две группы. Первую группу образуют универсальные методы, которые используются при решении практически всех задач. Вторую составляют специальные методы, применяемые для решения отдельных задач. Универсальные и специальные методы тесно взаимосвязаны, органически дополняют друг друга и используются при решении определенных задач.

Свое внимание мы акцентируем на двух универсальных методах –

¹ Макарейко Н. В., 2015

убеждении и государственном принуждении. Необходимо отметить, что в научной литературе отсутствует единство по вопросу состава универсальных методов. Существующие подходы могут быть сведены к следующим: одни авторы считают, что убеждение и государственное принуждение дополняют друг друга и в совокупности образуют метод государственного управления¹. Вторая группа авторов полагают, что к универсальным методам государственного управления, наряду с убеждением и государственным принуждением, относится поощрение². Практика отправления государственного управления позволяет аргументировать, что поощрение выполняет самостоятельную роль и взаимодействует с убеждением и государственным принуждением. Учитывая ограниченный объем статьи, свое внимание мы акцентируем на взаимосвязи убеждения с государственным принуждением.

Предваряя содержательное рассмотрение убеждения и государственного принуждения, необходимо отметить ту связь, которая существует между данными методами. Взаимосвязь государственного принуждения и убеждения в сфере управленческой деятельности свидетельствует о существенной общности названных методов. А. Г. Талюпа четко подметил, существующую между ними связь, в связи с чем указал, что одно и то же воз-

действие со стороны общества и государства может выступать либо как средство убеждения, либо как фактор принуждения в зависимости от восприятия этого воздействия адресатом³.

В научной литературе термин «убеждение» наиболее часто используется в двух значениях: а) как метод воздействия на сознание и волю людей; б) как средство выражения сложившейся у человека системы взглядов относительно определенных предметов и явлений окружающей действительности, т. е. убежденность. Так, Л. А. Аскерова под убежденностью понимает «основанное на оценке доказательств чувство уверенности лица, принимающего решение, в законности своих действий. При этом понятие «убежденность» раскрывается как особое качество личности, определяющее общую направленность всей ее деятельности и ценностных ориентаций и выступающее регулятором ее сознания и поведения»⁴.

Учитывая заявленную тему, мы будем рассматривать убеждение в качестве метода государственного управления. Убеждение в советский период выступало в качестве объекта пристального внимания. Это объяснялось существующей на тот момент официальной идеологией, где акцентировалось внимание на добровольном исполнении и соблюдении действующего законодательства субъектами управленческих отношений. При этом отмечалось, что посредством убеждения широкие слои

¹ Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 130–131 ; Россинский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право : учебник. 4-е изд., пересмотр. и доп. М., 2009. С. 502–503 и др.

² Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1978 ; Бахрах Д. Н. Административное право России : учеб. для вузов. М., 2000. С. 357–358 и др.

³ Талюпа А. Г. Изменение и сферы убеждения и принуждения в Советском государстве // Труды. М., 1965. Т. IV (статьи аспирантов ВЮЗИ). С. 5–6.

⁴ Аскерова Л. А. Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 12.

населения вовлекаются в непосредственную управленческую деятельность. В связи с этим Л. Л. Попов и А. П. Шергин указали, что содержание метода убеждения выражается в деятельности государства, способствующей приобретению массами собственного политического опыта (т. е. не только в воспитательной и разъяснительной, но также в организаторской и агитационно-пропагандистской работе, критике антиобщественных поступков, показе и распространении лучшего, передового опыта, широкой системе поощрений, ходе выборов в выборные органы власти, всенародных обсуждений законопроектов, осуществлении народного контроля за работой органов власти и т. д.)¹.

Приведенное суждение иллюстрирует значение убеждения как средства воспитания широких масс населения. При этом обращается внимание, что при его помощи решаются как текущие, так и перспективные задачи, в том числе «приобретение передового опыта». Метод убеждения позволял оказывать воздействие на значительное число граждан. Обращает на себя внимание, что наряду с массовым влиянием осуществлялось и индивидуальное воздействие. Это позволяло вести целенаправленное планомерное формирование общественного мнения, сочетая массовое и индивидуальное влияние.

Нельзя сказать, что исследователи советского периода были романтиками и необоснованно преувеличивали роль убеждения. Вместе с тем, отмечалось,

что убеждение является универсальным методом, в то время как государственное принуждение рассматривалось как вспомогательный метод. При этом считалось, что применению принуждения должна предшествовать реализация убеждения².

Следует отметить, что этот подход сохранился и в настоящее время. Так, В.К. Бабаев отметил, что принуждение является вспомогательным дополнительным методом управления обществом. Основным методом является метод убеждения, который представляет собой совокупность средств, приемов и способов воздействия на сознание человека с целью формирования у него мнения об осознанном и добровольном соблюдении и исполнении правовых предписаний³. С одной стороны можно говорить о преемственности в доктринальных воззрениях на проблему соотношения убеждения и принуждения в трудах авторов советского и современных периодов. Вместе с тем здесь имеет место воспроизведение ошибочных суждений. Эти методы (убеждение и принуждение), вне всякого сомнения, являются универсальными. В ряде ситуаций применение убеждения не предшествует государственному принуждению, так как правоохранительная ситуация складывается таким образом, что применение убеждения объективно невозможно. Примером является прежде всего реализация мер пресечения. Очевидно, что неприменение или несвоевременное применение мер государственного принуждения, применение принудительных мер с минимальным

¹ Попов Л. Л., Шергин А. П. Управление. Гражданин. Ответственность. (Сущность, применение и эффективность административных взысканий). Л., 1975. С. 8.

² Кожевников С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Совет. государство и право. 1978. № 5. С. 48 ; Ребане И. А. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1968. С. 14.

³ Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М., 2002. С. 207.

правоограничительным потенциалом является не меньшим, а засто и большим злом, чем его необоснованное применение. Это обусловлено тем, что, наряду с пресекательными, правосстановительными, обеспечительными, штрафными функциями, меры государственного принуждения заключают в себе существенный предупредительный потенциал. Вне всякого сомнения, государственное принуждение играет самостоятельную роль в механизме правоохраны. В этой связи современной правовой доктрине следует отказаться от определенных догм, провести их переосмысление с учетом действующего законодательства и правоприменительной практики.

Очевидно, связь между убеждением и государственным принуждением гораздо сложнее и проявляется в следующем.

Во-первых, убеждение и государственное принуждение являются методами государственного управления. Они предназначены для решения всего спектра управленческих задач, т. е. им присуща единая управленческая природа, и относятся к универсальным методам государственного управления. В этой связи они взаимодействуют друг с другом при разрешении соответствующих задач.

Во-вторых, они выражают управленческое воздействие органов государственной власти, их должностных лиц, иных уполномоченных субъектов на соответствующий объект. Посредством данных методов происходит передача соответствующих велений от властвующих субъектов в адрес подвластных.

В-третьих, убеждение и государственное принуждение представляют собой совокупность средств, приемов, способов реализации органами государственной власти и другими уполномоченными субъектами своих правомочий во всех сферах общественной жизни. Под правомочием понимается «предусмотренная законом возможность участника правоотношения осуществлять определенные действия или требовать известных действий от другого участника этого правоотношения»¹. Данные методы являются теми инструментами, посредством которых реализуются субъективные права, как наиболее важный элемент правового статуса субъекта государственного управления.

В-четвертых, эти методы направлены на достижение определенных целей. В качестве глобальных целей убеждения и государственного принуждения выступает обеспечение общественного порядка и общественной безопасности. Цель является «ключевым понятием в концепциях, описывающих поведение человека или другой сложной органической системы, характеризующееся представлением о ее состоянии, к которому стремится данная система и ради чего она существует»².

В научной литературе обращается внимание на тот факт, что с целью «создаются средства, необходимые для ее достижения»³. Результативность функционирования государства, его институтов во многом предопределяется качеством применяемых средств для достижения поставленных целей. В связи с чем отмечается, что «эффективность

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М., 1998. С. 525.

² Государственное и муниципальное управление : справочник. М., 1997. С. 454.

³ Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 506.

государственного управления есть понятие, обозначающее соотношение результатов и достигнутых общественных целей, результатов и использованных государственных ресурсов»¹. А. П. Корневым была точно отмечена связь между методом и целью деятельности, что позволило заключить следующее: «цель обуславливает специфику использования методов, выбор методов в известной степени определяет реальность достижения поставленных целей»².

В-пятых, убеждение и государственное принуждение применяются как в процессе внешне властной, так и внутри организационной деятельности. Это свойство рассматриваемых методов свидетельствует об их универсальном характере. При всей неоднородности внешних и внутренних задач их разрешение является обязательным условием качественного функционирования системы государственного управления. Внешние задачи являются приоритетными в деятельности органов государственной власти, так как их наличием, а точнее, необходимостью разрешения обусловлено создание соответствующих органов государственной власти. Вместе с тем от качества решения внутренних задач зависит жизнеспособность соответствующего субъекта, его потенциальная возможность решения внешних задач.

В-шестых, убеждение и государственное принуждение основываются на действующем законодательстве. Т. В. Керимова акцентировала внимание на роли права в регулировании убеждения и пришла к следующему

выводу: «Приобретая государственно-правовую оболочку, убеждение выступает во взаимодействии с государственным принуждением»³.

Универсальный характер данных методов предопределил тот факт, что они регулируются нормами всех отраслей российского права. Вместе с тем наибольший объем нормативного правового регулирования осуществляется посредством норм административного права. Это связано с тем, что меры убеждения и государственного принуждения наиболее часто реализуются во внесудебном (административном) порядке. Нарушение правовых норм, регулирующих применение методов государственного управления, влечет за собой признание полученных результатов незаконными, которые в дальнейшем могут быть оспорены и утратить юридическую силу.

В-седьмых, меры убеждения и государственного принуждения имеют соответствующих адресатов. Реализация этих методов осуществляется по отношению к конкретным объектам воздействия. Они могут применяться как в отношении целых групп однородных объектов, так и к индивидуальным объектам. Такое свойство убеждения и государственного принуждения указывает на единство связей между субъектом (органом государственной власти) и объектом (индивидуальным или коллективным) управленческого воздействия. Эта взаимозависимость повышает самоорганизацию системы государственного управления, ответственность участников данных отношений.

¹ Зершкин В. Д., Игнатов В. Г. Основы теории государственного управления : курс лекций. Ростов н/Д, 2000. С. 240.

² Основы управления в органах внутренних дел : учеб. пособие / под ред. А. П. Корнева. М., 1988. С. 68.

³ Керимова Т. В. Убеждение и принуждение при социализме : дис. ... канд. филос. наук. Л., 1967. С. 43.

В-восьмых, убеждение и государственное принуждение реализуются в рамках соответствующих правовых отношений. Значимость анализа данных методов посредством правового отношения весьма велика и перспективна. Она позволяет увидеть диалектику взаимоотношения между субъектами, применяющими убеждение и государственное принуждение, и объектами, к которым они применяются. Взаимосвязь между субъектами и объектами осуществляется посредством корреспонденции взаимных прав и обязанностей увидеть ту индивидуальную правовую связь, которая при этом возникает. При анализе соответствующих отношений выявляются основания, предпосылки возникновения соответствующих правоотношений, процессуальный порядок применения конкретных мер убеждения и государственного принуждения, наступаемые при этом правовые последствия.

Взаимосвязь между убеждением и государственным принуждением нередко приводит к их отождествлению. Наиболее часто это имеет место при рассмотрении психологического принуждения и убеждения. Подобные ошибки вредны не только методологически, но и опасны практически, так как влекут за собой ограничение прав, свобод, законных интересов субъектов, в отношении которых применяются данные методы государственного управления. В связи с этим И. П. Жаренов отмечает, что противопоставлять их необходимо именно в силу того, что активность воздействия на волю индивида в первом и во втором случаях различна.

Они различны не только по субъекту, но и по содержанию, и по результату¹.

Отождествление убеждения и государственного принуждения во многом predeterminedено схожестью механизма их воздействия. Вместе с тем различия наблюдаются в сфере воздействия, порядке применения, правовых и фактических последствиях применения. Именно поэтому важно определить различия, которые имеются между убеждением и государственным принуждением. По нашему мнению, они могут быть сведены к следующему.

Во-первых, использование критерия характера воздействия позволяет отнести убеждение к методам косвенного воздействия, в то время как государственное принуждение является методом прямого воздействия. Эта особенность указывает на специфику (особенности) связи между субъектами и объектами воздействия обусловленную временем наступления правовых и иных последствий, статусом объектов после прекращения соответствующего управленческого воздействия.

Во-вторых, различие между убеждением и государственным принуждением заключается в сфере воздействия. Объектом убеждающего воздействия выступают сознание и воля соответствующего объекта, в то время как государственное принуждение, его меры могут повлиять на сознание, волю, а также и поведение соответствующих субъектов. В то же время М. Б. Разгильдиева полагает, что отсутствуют достаточные основания утверждать, что убеждение оказывает воздействие на волю субъектов². Очевидность связи между сознанием и волей, а

¹ Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 35.

² Разгильдиева М. Б. Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства) : монография / под ред. Н. И. Химичевой. М., 2012. С. 533.

также влияние сознание на формирование волевых установок позволяет утверждать о наличии подобных связей. Вместе с тем государственное принуждение в ряде случаев действует непосредственно на поведение принуждаемых. Это традиционно свойственно мерам пресечения.

В-третьих, в отличие от государственного принуждения убеждение может иметь как детально определенный объект воздействия, так и быть ориентировано на неопределенный круг объектов. В некоторых случаях объектом убеждающего воздействия может выступать общество в целом. Применение государственного принуждения в отношении неограниченного круга субъектов влечет его трансформацию в насилие¹.

В-четвертых, применение убеждения осуществляется, когда отсутствуют противоречия между волевыми установками субъекта и объекта воздействия, т. е. они сохраняют собственную волю. Подвластный субъект должным образом воспринимает убеждающее воздействие, у него отсутствует их отрицание и в итоге он добровольно воспринимает волевые установки убеждающего. Реализация мер государственного принуждения осуществляется независимо от воли объекта, в отношении которого применяются данные меры. Последующее поведение принуждаемого осуществляется вопреки его воле, но в соответствии с волей принуждающего.

В-пятых, убеждение отличается от государственного принуждения применяемыми мерами. Убеждение реализуется посредством различных

разъяснительных, воспитательных, организационных мер. К их числу относятся такие средства, как: обучение, агитация, пропаганда, критика, осуждение противоправного поведения. При этом перечень мер убеждения не является исчерпывающим, и субъект государственного управления может с учетом конкретной ситуации творчески подходить и выбирать соответствующую меру убеждающего воздействия для эффективного достижения поставленных целей. В свою очередь, государственное принуждение, его меры детально определены законодательством, и субъект лишен возможности выходить за их границы. Наряду с этим правоприменитель в большинстве случаев имеет возможность в рамках правоприменительного усмотрения.

В-шестых, государственное принуждение, в отличие от убеждения, носит дозированный характер, т. е. применяется посредством соответствующих мер. Мера государственного принуждения выступает качественно-количественной характеристикой государственного воздействия, в то время как убеждение лишено подобных рамок. Формат мер убеждающего воздействия лишен четкой определенности.

В-седьмых, отличия между убеждением и государственным принуждением наблюдаются в наступаемых правовых последствиях. Применение государственного принуждения приводит к правовым «лишениям, обременениям, правовому урону»². Именно посредством правовых лишений и достигается результативность

¹ Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Юрид. наука и практика: 2014. № 1(25). С. 35–39.

² Лейст О. Э. Проблемы принуждения по советскому праву // Вестн. Моск. ун-та. Серия «Право». 1976. № 4. С. 19.

государственно-принудительного воздействия. Л. Л. Поповым было отмечено, что последствия применения принуждения заключаются «в причинении лицу какого-либо морального, материального или физического ущерба, какого-либо ограничения или лишения его личных или имущественных прав»¹. Реализация убеждения не влечет за собой наступления отрицательных последствий, поэтому убеждение является «мягким» воздействием, которое не приводит к дополнительным лишениям, обременениям.

В-восьмых, реализация убеждения менее затратна, чем меры государственного принуждения. Подобная «экономия» достигается за счет отсутствия специального аппарата, который применяет меры государственного принуждения, отсутствия необходимости формирования специальных условий обеспечения, например, мест лишения свободы, содержания административно арестованных, принудительного исполнения штрафа и др. «Экономия» в ходе реализации убеждения достигается за счет задействования негосударственных ресурсов, в том числе потенциала средств массовой информации, общественных и религиозных объединений, других институтов гражданского общества.

Подводя итог осмысления соотношения убеждения и государственного

принуждения, можно сделать следующие выводы.

– между данными методами существует органическая связь. Она осуществляется как на институциональном уровне, так и на уровне реализации отдельных мер;

– существует определенный алгоритм осуществления управленческого воздействия. Он заключается в первоочередном применении мер убеждения. Вместе с тем при возникновении ряда ситуаций, которые связаны как с совершением противоправных деяний, так и действием непреодолимых сил природы, техногенными катастрофами, появляется потребность первоначального применения мер государственного принуждения;

– убеждение и государственное принуждение применялось и применяется на всех этапах развития общества и во всех его сферах. Наряду с этим конкретные исторические этапы приводили к доминированию, в том числе и необоснованному, того или иного метода;

– соотношение средств убеждения с методом государственного принуждения является важным индикатором развитости институтов гражданского общества в стране, реализацией принципа демократизма государственного управления.

Библиографический список

1. *Аскерова Л. А.* Правовые убеждения: теоретико-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : Аскерова Лейла Аламдаровна. – Краснодар, 2012. – 34 с.
2. *Жаренов И. П.* Государственное принуждение в условиях демократического общества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жаренов Иван Павлович. – М., 2006. – 145 с.
3. *Макарейко Н. В.* Пределы государственного принуждения / Н. В. Макарейко // Юрид. наука и практика : вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2014. – № 1(25). – С. 35–39.

¹ *Попов Л. Л.* Убеждение и принуждение. Организационно-воспитательные и административно-правовые средства охраны общественного порядка в деятельности советской милиции. М., 1968. С. 62 ; *Попов Л. Л., Шергин А. П.* Указ. соч. С. 21–22.

4. *Разгильдиева М. Б.* Правовое убеждение и принуждение: теоретические основы (на примере финансового законодательства) : монография / М. Б. Разгильдиева ; под ред. Н. И. Химичевой. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 272 с.

5. *Россинский Б. В.* Административное право : учебник / Б. В. Россинский, Ю. Н. Старилов. – 4-е изд., пересмотр. и доп. – М. : Норма, 2009. – 928 с.

References

1. *Askerova L.A.* Legal Persuasion: Theoretical and Legal Aspect. Krasnodar, 2012. 34 p.
2. *Zharenov I. P.* State Coercion in a Democratic Society. M., 2006. 145 p.
3. *Makarejko N. V.* Limits of State Coercion. *Yuridicheskaya Nauka I Praktika*. 2014. No. 1(25). P. 35–39.
4. *Razgildieva M. B.* Legal Persuasion and Coercion: the Theoretical Basis (for Example, Financial Legislation). M., Yurlitinform, 2012. 272 p.
5. *Rossinskij B. V., Starilov Yu. N.* Administrative Law. 4th ed., rev., and enl. M., Norma, 2010. 928 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОТРАСЛЕВОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

УДК 343.85

Е. А. Богачевская

ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ:
ПЕНИТЕНЦИАРНЫЙ АСПЕКТ
И КОРРУПЦИОННАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ

Е. А. Bogachevskaya

Аннотация. Статья посвящена анализу проявлений экстремистской деятельности в пенитенциарных учреждениях России, некоторых причин этого явления и способов противодействия распространению в исправительных учреждениях радикализма и религиозного экстремизма.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, коррупция, пенитенциарные учреждения.

EXTREMIST MANIFESTATIONS:
PENAL ASPECT AND CORRUPTION

Abstract. In this article we are talking about manifestations of extremist activity in prisons of Russia, some of the ways of counteraction to the spread in correctional institutions of radicalism and religious extremism.

Key words: terrorism, extremism, corruption, penitentiary institutions.

Проблема терроризма, экстремизма, распространения в пенитенциарных учреждениях радикально исламистских идеологий, ставящих своей целью подрыв государственных устоев и строительство исламского халифата, причем не только в России, но и в мире в целом, является крайне злободневной.

Пенитенциарная среда предоставляет многочисленные возможности религиозным экстремистским деятелям для вербовки последователей среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы. И причина этого явления, ставящего под угрозу

национальную безопасность страны, кроется не только в сложной экономической и социальной ситуации, но и в проявлениях этнополитического и религиозного экстремизма, а также в высокой степени коррупциогенности уголовно-исполнительной системы¹.

Среди осужденных все больше распространяется ваххабитская идеология, причем речь не только о мусульманах, отошедших от традиций предков в пользу новых радикал-экстремистских взглядов, но и о русских по национальности и православных в прошлом. Большая часть таких осужденных принимает ислам именно для того, чтобы

© Богачевская Е.А., 2015

¹ См. об этом, напр.: Сулейманов Р. Тюремный халифат. Радикальный ислам массово распространяется в учреждениях пенитенциарной системы России // Независимая газ. 2013. 21 февр.

иметь возможность совершать противоправные деяния, иным образом выражать свою агрессию и недовольство жизнью. Само учение ваххабизма не требует от своего адепта отказаться от преступного образа жизни: и разбой, и вымогательство, и убийства оправдываются, поскольку в отношении «неверных» это не возбраняется. Что уж говорить о сотрудниках исправительных учреждений и правоохранительных органов в целом – преступления в отношении их вообще всячески поощряются. Для таких осужденных жизнь «по понятиям» легко трансформировалась в жизнь «по шариату».

Главная причина успеха ваххабизма среди отдельных представителей русского народа состоит в том, что большинство русских оторваны от своих духовных корней и фактически не знакомы с религией своих предков – православным христианством.

Очевидно, что обозначенная проблема гораздо глубже и тревожнее. Сам факт реагирования государства на распространение ваххабизма в исправительных учреждениях свидетельствует о серьезности вопроса. Между тем Национальный антитеррористический комитет считает сведения о масштабах вербовки боевиков в исправительных учреждениях преувеличенными. Видимо, поэтому широкомасштабных акций проверки деятельности религиозных организаций в местах лишения свободы не проводится.

Сотрудники исправительных учреждений ввиду определенной коррупционной составляющей¹, а иногда единственно из-за лени, не следят за содержанием религиозной литературы, поступающей в библиотеки для осужденных.

Нередки случаи, когда лидеры радикал-экстремистов в местах лишения свободы за деньги приобретают право отказаться от работ по благоустройству территории исправительного учреждения, не соблюдают распорядок дня, требуют выделения дополнительного времени для молитв и т. д. На такие проявления коррупции в пенитенциарных учреждениях необходимо незамедлительно реагировать.

Очевидно, что необходимо создать систему противодействия распространению в исправительных учреждениях радикализма и религиозного экстремизма. Для этого следует повсеместно оснастить следственные изоляторы и исправительные учреждения системами блокировки сигналов сотовой связи и ограничения доступа к интернет-ресурсам, консолидировать усилия заинтересованных государственных структур, общественных организаций и традиционных религиозных конфессий по противодействию распространению в учреждениях и органах ФСИН России основ радикального ислама и экстремистской идеологии. Кроме того, необходимо активное участие в работе с осужденными и лицами, содержащимися под стражей, по профилактике и распространению религиозного экстремизма, исламского радикализма представителей мусульманского духовенства-приверженцев традиционного ислама, Русской православной церкви, других религиозных организаций, зарекомендовавших себя противниками нетрадиционного ислама. При этом возможно внедрить комплексные программы, направленных на создание мотивационных факторов, способствующих отказу от радикальных экстремистских установок и создать систему

¹ Отчет о состоянии законности и преступлениях среди сотрудников уголовно-исполнительной системы за 2011–2014 гг. (форма 3-ПР).

постпенитенциарной адаптации для лиц, отбывавших наказание за преступления экстремистской, террористической направленности, придерживавшихся идеологии исламского радикализма. Повсеместно поднимается вопрос о создании штатного тюремного духовенства (как православного, так и мусульманского).

Таким образом, только владея полной информацией о деятельности радикал-исламистских, экстремистских организаций и их членов как в России, так и за рубежом, в особенности в учреждениях уголовно-исполнительной системы, возможно начать контролировать описанную выше ситуацию, влиять на проблему.

Библиографический список

1. Ваххабизм в российских тюрьмах: распространение и последствия. – Режим доступа: www.leveinternet.ru/users/5117523/post310176424/.
2. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Рос. газ. – 2009. – 19 мая.
3. Сулейманов Р. Тюремный халифат. Радикальный ислам массово распространяется в учреждениях пенитенциарной системы России / Р. Сулейманов // Независимая газ. – 2013. – 21 февр.

References

1. Wahhabism in Russian Prisons: the Spread and Effects. – URL: www.leveinternet.ru/users/5117523/post310176424/.
2. Strategy of Nation Security of the Russian Federation till 2020. Rossijskaya Gazeta. 2009. May 19.
3. Sulemanov R. Prison Caliphate. Radical Islam is Massively Covered in the Penitentiary System in Russia. Nezavisimaya Gaseta. 2013. Febr. 22.

Е. А. Высторóбец

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ ИНСТИТУТА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАДИОЧАСТОТНЫХ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО ПРАВА ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

Аннотация. Гипотеза исследования состоит в позиционировании правового института использования радиочастотных природных ресурсов в системе современного права охраны окружающей среды.

Ключевые слова: радиосфера, радиопространство, радиочастотные природные ресурсы, радиочастотный спектр, радиочастоты, орбитально-частотный ресурс, объекты права радиопользования, интерэкоправо, Международный союз электросвязи.

E. A. Vy'storobecz

THE POSITIONING OF THE INSTITUTE OF RADIO FREQUENCY NATURAL RESOURCES USE IN THE SYSTEM OF CONTEMPORARY ENVIRONMENTAL LAW

Abstract. Hypothesis of the study is positioning of the legal institute of radio frequency natural resources in the system of contemporary environmental law.

Key words: radiosphere, radio space, radio frequency natural resource, radio spectrum, radio frequencies, orbital-frequency resource, the objects of the right for RFNR use, interecolaw, the International Telecommunication Union.

Современное право окружающей среды как совокупность международных и внутригосударственных норм должного поведения государств – членов мирового сообщества и других членов правоотношений по направлению межгосударственного сотрудничества в природоохранной области носит предметно целостный характер. Общим правилом здесь является недопустимость нарушения или злоупотребления правом, а Международный суд как главный судебный орган ООН выполняет присущую ему роль в формате обеспечения права. В ситуации, когда современное право охраны окружающей среды носит целостный по форме и законченный по

содержанию характер, институт использования радиочастотных природных ресурсов (далее: РЧПР) в объективном порядке показывает себя в качестве составной его части.

Предписание должного поведения в отношении всех государств – членов мирового сообщества в параметрах регулятивного действия современного права окружающей среды идет по линии всего предметного содержания регулятивного воздействия права. В концептуальном и практическом плане позиционирование института использования РЧПР в общих параметрах системы современного права окружающей среды обозначено целостностью юридического содержания и предметной

возможности его обеспечения в формате международных и внутригосударственных органов правосудия.

Предмет отрасли экологического права охватывает правоотношения по поводу охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов. Когда право выступает регулятором рационального использования и охраны природных объектов, компонентов природной среды, их элементов, естественных качеств и взаимосвязей, закрепляет право собственности на природные ресурсы, право природопользования, запреты порчи ресурсов и ухудшения окружающей среды, экологические права участников отношений, – это все экологическое право. Из предмета экологического права исключаются отношения, возникающие в процессе материального производства¹, в связи с хозяйственной деятельностью предприятий и организаций на этих объектах², что ставит вопрос об экологизации неэкологических отношений. Экологические правоотношения включают природоохранные и природоресурсные правоотношения.

РЧПР – объект природопользования и объект охраны окружающей среды. Еще в 1982 г. О. С. Колбасов, ссылаясь на Принципы, одобренные Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1963 г.³ и говоря о недопустимости вредных помех, писал о дистанционном зондировании Земли, относил

космическую связь к области космических отношений, но призывал не забывать об экологической бдительности, чтобы своевременно исключать неблагоприятные изменения природной среды⁴.

Правоотношения по использованию радиочастотных природных ресурсов и их охране на международном, внутригосударственном уровне – часть международного права окружающей среды, международного экологического права, интерэкоправа в целом и соответственно экологического права в отдельных государствах. Такой взгляд достаточно нов для отечественного экологического права, но мнения отечественных и зарубежных ученых относительно режима РЧПР, нормы права и другие объективные факты дают основания обратить внимание ученого сообщества на его правомерность и обоснованность. Подход неизбежно связан с созданием новых идей, требует «немного фантазии», чего пожелал молодежи один из основателей отечественного космического права Г. П. Жуков в ходе пленарного заседания, посвященного его 90-летию: «Можете представить, как до первого полета в космос, да и сразу после него, звучали слова “космическое право”»⁵.

Известен ряд юристов, работы которых касаются правоотношений по поводу РЧПР в определенной мере и части: Э. Х. де Аречага (1978 г.) включил вопрос в курс международного

¹ Голиченков А. К., Лукина Е. Н. Проблемы экологического, земельного права и законодательства в современных условиях (обзор выступлений участников научно-практической конференции «Софрино-4») // Государство и право. 1999. № 2. С. 40.

² Адиханов Ф. Х. Экологическое право. Барнаул, 2006. С. 31.

³ Декларация правовых принципов, регулирующих деятельность государств по исследованию и использованию космического пространства : [принята резолюцией 1962 (XVIII) Генер. Ассамблеи ООН от 13 декабря 1963 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outerspace_principles.shtml (дата обращения: 25.09.2014).

⁴ Колбасов О. С. Международно-правовая охрана окружающей среды. М., 1982. С. 194–195, 197.

⁵ Памяти профессора Г. П. Жукова // Евраз. юрид. журн. 2014. № 7. С. 219.

права; А. С. Васильев (2005 г.) на диссертационном уровне рассмотрел регулирование пользования радиочастотным ресурсом¹; П. С. Райан (2005 г.) отметил, что к РЧПР необходимо относиться, как к природному ресурсу²; Ю. В. Волков (в соавт., 2006 г.) выпустил учебное пособие о радиочастотном спектре; Л. В. Лапач (2007 г.) провела анализ РЧПР, как объекта права собственности³; Р. М. Валеев, Г. И. Курдюков (2010 г.) описали международно-правовой режим геостационарной орбиты⁴; А. А. Баранов (2012 г.) рассмотрел правовые меры рационального использования радиочастотного ресурса⁵; экономисты В. В. Ноздрин (1999 г.), С. Г. Кобелев (2008 г.), А. В. Нарукавников (2011 г.) научно обосновали пути повышения эффективности пользования РЧПР⁶. О различных правовых и естественных аспектах, связанных с радиопространством, известны работы таких авторов, как: И. Н. Адамов, А. А. Богустов, А. Л. Бузов, М. А. Быховский, Н. В. Васехо, А. А. Васильченко, Е. А. Голубицкая, Ф. Де Ман,

К. К. Джойнер, Н. Иващенко, В. Котов, А. Н. Маликов, Е. В. Никитин, С. Р. Ревзин, А. Ю. Сомов, С. В. Тычинин, Н. А. Хохлачев, Ю. С. Шемшученко, С. Ю. Щербаков и др.

Тот факт, что нормы и принципы, касающиеся отношений по поводу использования и охраны РЧПР и содержащиеся в международно-правовых актах и нормативных актах государств по информационному, телекоммуникационному праву, в законодательстве в области связи, не означает, что данный круг отношений изымается из предмета экологического права и передается иным отраслям права. Подобное соотношение права и его формально-юридических источников, как верно отмечает М. Н. Копылов, можно проследить на примере норм международного воздушного права, которые закреплены в конвенциях по морскому праву⁷. Это явление свидетельствует о межотраслевых связях, между разделами права, имеющими общие объекты регулирования (но не предметы).

17 мая 2015 г. специализированному учреждению ООН, самостоятель-

¹ *Васильев А. С.* Гражданско-правовое регулирование отношений по использованию радиочастотного спектра : автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2005. 26 с.

² *Ryan P. S.* Treating the Wireless Spectrum as a Natural Resource // *Environmental Law Reporter*. 2005. № 9(35). P. 10620–10629.

³ *Лапач Л. В.* Правовое регулирование российского радиочастотного ресурса // *Хозяйство и право*. 2007. № 11. С. 103.

⁴ *Валеев Р. М., Курдюков Г. И.* Международное право. Особенная часть : учеб. для вузов. М., 2010. С. 512–514.

⁵ *Баранов А. А.* Правовые проблемы использования ограниченного радиочастотного ресурса // *Евраз. юрид. журн.* 2014. № 1(68). С. 154–160.

⁶ *Кобелев С. Г.* Развитие системы государственного регулирования использования радиочастотного спектра : дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2008. 156 с. ; *Нарукавников А. В.* Разработка методического аппарата оценки возмещения использования радиочастотного спектра как ограниченного природного ресурса : автореферат дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. 24 с. ; *Ноздрин В. В.* Экономические аспекты повышения эффективности использования радиочастотного спектра при рыночных отношениях : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 1999. 206 с.

⁷ *Копылов М. Н.* Понятие международного экологического права // *Международное экологическое право : учебник / отв. ред. Р. М. Валеев.* М., 2012. С. 160–161.

ной и одной из старейших международных организаций¹ – Международному союзу электросвязи (далее: МСЭ) исполнилось 150 лет. В его Уставе 1992 г.² за каждым государством признано суверенное право регламентировать свою электросвязь (преамбула; понятие электросвязи включает радиосвязь); в ст. 44 отмечается, что радиочастоты и связанные с ними орбиты геостационарных спутников являются ограниченными природными ресурсами, которые надлежит использовать рационально.

1. Понятие. В реальной действительности пространство (воздух, тела, космос) обладает природным свойством проводить электромагнитное излучение, несущее энергию, сигналы, в том числе на частоте радиоволн. Будучи частью природной среды, электромагнитное излучение является материальным элементом магнитосферы³ и пространства, природным ресурсом.

РЧПР – совокупность радиоволн, неволновых ресурсов радиопространства, которые могут быть использованы.

Свойства РЧПР уникальны: 1) неисчерпаемы (но ограничены, конечны), не амортизируются, не требуют буквального восстановления, могут повторно использоваться, могут использоваться одновременно; могут быть переданы будущим поколениям условно в

первозданном виде; 2) как для большинства природных ресурсов – пользование платное (п. 4 ст. 23 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»⁴); 3) как атмосферный воздух – неотчуждаемы, не являются объектом свободной купли-продажи (ст. 24 ФЗ «О связи»); 4) как территория в международном праве и земля в земельном являются основой (пространством) деятельности и средством производства; 5) в экономике они: а) средство производства – производственное пространство (средство труда); б) то, что подвергается обработке, на что направлен труд человека (предмет труда); в) представляют собой результат труда; б) юридически объектом пользования является право на пользование РЧПР (в ФЗ «О связи» «радиочастотного спектра»), предоставляемое посредством выделения полос радиочастот и присвоения (назначения) радиочастот или радиочастотных каналов (ст. 24 ФЗ «О связи») (право на пользование радиопространством для передачи электромагнитных излучений в диапазоне радиочастот); 7) с развитием технологий объем («несущая способность», совокупная «монтированная мощность») возрастает.

Неравнозначные понятия нередко используются как синонимы, их юридическое значение часто отличается от реального содержания, что связано

¹ Первая международная телеграфная конвенция и Регламент Телеграфной связи были приняты 20 государствами, включая Россию 17 мая 1865 г. в Париже. Тогда же был основан Международный телеграфный союз. С развитием техники электросвязи Международный телеграфный союз был переименован в Международный союз электросвязи, который в 1947 г. стал специализированным учреждением ООН.

² Устав Международного союза электросвязи : [принят 22 дек. 1992 г. в г. Женеве : с изм. от 6 нояб. 1998 г.] // Бюл. междунар. договоров. 1997. № 3. С. 3–29 ; Сборник основных текстов документов Международного союза электросвязи, принятых Полномочной конференцией. Женева, 2011. 720 с.

³ Маликов А. Н., Ревзин С. Р., Сомов А. Ю. Соотношение сущности радиочастотного диапазона электромагнитного излучения с категорией природных ресурсов // Проблемы региональной экологии. 2008. № 1. С. 26–30.

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 28, ст. 2895.

с формализацией и свойственно праву. Вместе с тем целесообразно различать радиопространство (радиосферу), РЧПР и отличать от них радиочастотный спектр (далее: РЧС). РЧПР и РЧС соотносятся, например, как ресурсы животного мира (неводные) и видовой состав неводных животных (включает неиспользуемые виды и не включает генетические ресурсы, образцы, дериваты); лесные ресурсы и видовой состав деревьев (лесные ресурсы включают и недревесные ресурсы); ресурсы недр и полезные ископаемые (кроме полезных ископаемых, недра включают иные ресурсы). Это неравноположенные понятия. Понятия в названных парах имеют различное назначение. Первые, как правило, экономические, практические. Вторые принадлежат, как правило, естественным наукам, являются теоретическими (мыслимыми) категориями, которые лишь отчасти передают правовое содержание ресурса, который используется. Солидарные соображения высказываются В. Котовым (разделяет понятия РЧПР и РЧС как экономическое и физическое)¹, А. А. Барановым² (не соглашается с Н. Иващенко, предлагающей согласно документам МСЭ и ФЗ «О связи» понятие права на использование РЧС – одного из составных элементов ресурсов радиосферы, а не всех РЧПР в целом³).

Иначе говоря, РЧС (его полезная часть) – это часть РЧПР, которые включают иные ресурсы. Верно и обратное: волновая часть РЧПР (они ею

не ограничены) – часть РЧС. РЧС во многих источниках, в том числе отечественных, корректнее понимать как РЧПР, поскольку задача законодательства регулировать отношения по поводу ресурсов, а не вменять «законы природы» спектру, совокупности радиочастот (видовому составу волн).

В п. 20 ст. 2 ФЗ «О связи» содержится следующее определение: «радиочастотный спектр – упорядоченная совокупность радиочастот в установленных Международным союзом электросвязи пределах, которые могут быть использованы для функционирования радиоэлектронных средств или высокочастотных устройств». Логика этой дефиниции близка к фразе «биологические организмы – совокупность видов, которые могут быть использованы». Налицо реальное противоречие: то, что может использоваться и является ресурсом, неверно определять через большее понятие. Так, биологическое (таксономическое) разнообразие растений не является лишь совокупностью видов растений, которые могут использоваться.

Соответствующие ресурсы являются компонентами биосферы, литосферы. Понятие «радиосфера» (радиопространство) по своему объему превосходит электромагнитные неионизирующие и тепловые излучения (из чего в настоящее время черпаются РЧПР) подобно тому, как соотносятся литосфера и недра, атмосфера и атмосферный воздух.

¹ Котов В. Радиочастотный ресурс: измерение, ценообразование и определение эффективности его // Информ. телекоммуникац. сети. 2008. № 7. С. 23–27.

² Баранов А. А. Указ. соч. С. 156.

³ Иващенко Н. Соответствие законодательства о связи современным реалиям. Инициативы участников рынка и перспективы развития дискуссии // Современные телекоммуникации России. 2011 (июнь). URL: <http://www.telecomru.ru/article/?id=6046> (дата обращения: 11.09.2014).

Из рассмотрения РЧПР в свете дефиниций, содержащихся в Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹, следуют правомерные выводы. Радиочастотные ресурсы являются самостоятельными элементами природных и иных объектов. РЧПР (и в целом электромагнитные излучения) не являются природно-антропогенными объектами, поскольку не ограничены рекреационным, защитным значением. Но их свойства используются в деятельности человека в качестве предмета потребления, они имеют потребительскую ценность, используются путем воздействия на них в процессе деятельности человека, необходимы человеку для жизни, развития, обеспечивают ему получение материальных благ и представляет собой природный ресурс. РЧПР являются частью природной среды, сохраняют свойства элемента природных объектов, преобразовываются, но не создаются человеком, следовательно, отнести их к антропогенным объектам нельзя. По своей сути РЧПР – элемент природных и иных объектов, изначально это природное условие, а под воздействием человека – это природный ресурс.

Соотношение объема понятий от большего к меньшему: радиопространство («радиосфера»), РЧПР; РЧС (радиоспектр, в его используемой части), радиоволна. Кратко приведем аргументы в пользу природоресурсного качества и правового содержания РЧПР.

Вслед за Уставом МСЭ (ст. 44) РЧПР определены как «ограничен-

ные природные ресурсы» в нормативных правовых актах государств. В законодательно установленном перечне объектов, находящихся только в собственности государства, РЧПР следуют за землями лесного, водного фондов и располагаются перед объектами животного мира, находящимися в состоянии естественной свободы².

Отметим, что «природные ресурсы» – понятие экономгеографическое. Физическая география считает физико-географическое положение, компоненты природной среды, климат, рельеф и другие свойства территории природными условиями, а экономическая география считает все природное, что участвует в материальном производстве, – природными ресурсами. Разграничение между условиями и ресурсами кондиционно и изменчиво во времени, если объект непосредственно не используется, значит это условие, если используется – ресурс. Для РЧПР это разграничение имело значение только в прошлом. Сегодня РЧПР – средство, предмет и результат труда, имеющий потребительскую ценность (т. е. ресурс).

Международно-правовая практика государств, как справедливо констатируется на доктринальном уровне³, качественно позитивно подтверждает юридическую значимость РЧПР.

Российские юристы С. В. Тычинин, А. А. Васильченко совершенно правильно отмечают: «Сотовая связь, в отличие от проводной связи, связанной со стационарными объектами,

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133.

² Об объектах, находящихся только в собственности государства : закон Респ. Беларусь от 15 июня 2010 г. № 169-3 // Ведомости Нац. Собр. РБ. 1999. № 22, ст. 407 (утратил силу).

³ Ryan P.S. Op. cit. P. 10622–10623.

позволяет обмениваться информацией, перемещаясь в пространстве. Функционирование сотовой связи осуществляется посредством особого природного ресурса – радиочастотного спектра, который находится в ограниченном обороте»¹. Солидарно высказываются ученые в области технических наук: «Радиочастотный ресурс – это ограниченный природный ресурс, и его рациональное использование имеет огромное значение для страны, такое же важное, как водный или земельный ресурс»².

Многие ученые единогласно отмечают, что РЧПР (или РЧС) рассматривается природным ресурсом как часть природной среды Земли и пространства вокруг нее,³ среди них юристы: Э. Х. де Аречага, Ю. В. Волков, Ф. Де Ман, К. К. Джойнер, С. Г. Кобелев, П. С. Райан, К. А. Хиртер, экономист А. В. Нарукавников⁴ и многие другие.

Высказывается и другая точка зрения: «Законодательство об охране окружающей природной среды не подлежит применению к отноше-

ниям, возникающим в связи с перераспределением и использованием радиочастотного спектра, поскольку он, в отличие от иных природных ресурсов, является неисчерпаемым, возобновляемым и неуязвимым»⁵. Приведенные доводы неубедительны. Экологическое и иное законодательство не использует понятия неисчерпаемости, возобновляемости и неуязвимости в целях исключения отношений по поводу охраны и использования отдельных видов природных ресурсов из своего предмета. РЧПР (включая часть РЧС) неисчерпаемы, как гидроэнергоресурсы, гидротермальные, бальнеологические ресурсы, но это не означает, что возможности их изъятия полностью удовлетворяют потребности – объем использования этих ресурсов, подобно другим природным ресурсам, имеет предел, что уже подробно описано в научной литературе⁶. Крупные части РЧПР в действительности «потребляются» в том смысле, что доступны только для определенного

¹ Тычинин С. В., Васильченко А. А. Договор оказания услуг сотовой связи // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия «Философия. Социология. Право». 2010. № 14 (85). Вып. 13. С. 180.

² Особенности построения и технические характеристики панорамных измерительных приемников семейства «Аргмак» / А. В. Ашихмин [и др.] // Спецтехника и связь. 2008. № 3. С. 50.

³ Herter C. A., jr. The Electromagnetic Spectrum: A Critical Natural Resource // Natural Resources Journal. 1985. № 25. P. 653 ; Arechaga de E. J. International Law in the Past Third of a Century: General Course in Public International Law ; the Hague Academy. Alphen aan den Rijn, 1978. P. 262 ; Волков Ю. В. Правовой режим радиочастот в России // Вестн. Уральск. ин-та экономики упр. и права. 2010. № 1(10). С. 22–26 ; Joyner C. C. International Law in the 21st century. Lanham (MD): Rowman & Littlefield Publishers, inc., 2005. P. 245.

⁴ Анализ роли радиочастотного спектра в деятельности операторов связи и общества в целом, показывает, что радиочастотный ресурс (РЧР) необходимо рассматривать как природный ограниченный производственный ресурс, обладающий экономической ценностью и социальной значимостью, и соответственно, нуждающийся в экономном и эффективном использовании (Нарукавников А. В. Разработка методического аппарата оценки возмещения использования радиочастотного спектра как ограниченного природного ресурса : автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2011. С. 3).

⁵ Васильев А. С. Указ. соч.

⁶ Лапач Л. В. Указ. соч. С. 105 ; Голубицкая Е. А., Хохлачев Н. А. Международные аспекты оплаты радиочастотного спектра // Рос. внешнеэкон. вестн. 2009. № 1. С. 26.

количества пользователей¹, пользование природными ресурсами возможно без изъятия. Едва ли РЧПР (включая часть РЧС) абсолютно возобновляемы настолько, что их распределение можно начать «с нуля» (проблема нехватки), они есть, например, как земля, которая может изменять очертания, «наступать» незначительно на воды и территории, ранее не пригодные для жизнедеятельности человека, но дана навсегда и не будет прежней. РЧПР (включая часть РЧС) имеют определенный размер («несущую способность»), потребительскую ценность, и, поскольку они могут сокращаться из-за помех, радиочастотного смога, космического мусора и по другим причинам, они уязвимы. В этом смысле они «амортизируются», «изнашиваются». Помимо сказанного, утверждение А. С. Васильева противоречит действительному положению вещей и норме о том, что отношения, возникающие в области охраны и рационального использования природных ресурсов, регулируются законодательством в области охраны окружающей среды и природопользования (п. 5 ст. 2 ФЗ «Об охране окружающей среды»).

Кроме прямого признания РЧПР природными ресурсами в позитивном праве (преамбула, ст. 44 Устава МСЭ; Федеральный закон от 30 марта 1995 г. № 37-ФЗ «О ратификации Устава и Конвенции Международного

Союза Электросвязи»²; п. 1 ст. 22 ФЗ «О связи»), этот факт подтверждается косвенно: п. 2 постановления Правительства Рос. Федерации от 6 августа 1998 г. № 895 «Об утверждении положения об оплате использования радиочастотного спектра в Российской Федерации» установлено, что РЧС является исключительно общегосударственным ресурсом³. Он же подтверждается, в частности и судебной практикой⁴.

РЧПР до начала его использования можно условно сравнить с подземной полостью, которая пустует и является природным условием. Как только эту полость начали в первый раз и навсегда безостановочно использовать для хранения газа, она стала природным ресурсом, возникли отношения недропользования, за это взимается плата. РЧПР из категории природных условий окончательно перешли в категорию природных ресурсов с вытекающими из этого правовыми следствиями.

2. *Источники.* В ст. 4 Устава МСЭ определены основные документы Союза: Устав Международного союза электросвязи 1992 г.; Конвенция Международного союза электросвязи 1992 г.; административные регламенты (Регламент международной электросвязи, Регламент радиосвязи). Вспомогательными источниками могут выступать решения, резолюции, рекомендации конференций МСЭ. Важны так

¹ Ryan P. S. Op. cit. P. 10625.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 14, ст. 1211.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 33, ст. 4011 (утратило силу); Постановление Правительства Рос. Федерации от 16 марта 2011 г. № 171 «Об установлении размеров разовой платы и ежегодной платы за использование в Российской Федерации радиочастотного спектра и взимания такой платы» (Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 12, ст. 1648. – соответствующего положения не содержит).

⁴ Решение Арбитраж. суда Свердлов. обл. от 6 марта 2014 г. по делу № А60-108/2014. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412534797> (дата обращения: 17.09.2014).

называемые эксплуатационные соглашения международных организаций спутниковой связи, относящиеся к категории международных межведомственных договоров¹.

Россия заключила порядка 30 международных договоров с целым рядом государств – членом мирового сообщества, касающихся использования радиочастот в целом, и о пользовании РЧПР на территории других государств, а также главным образом о сотрудничестве по использованию орбитально-частотного ресурса (далее: ОЧР), например с Республикой Казахстан².

Согласно Резолюции исследовательских групп сектора развития МСЭ (ч. II) законодательные и подзаконные акты, регулирующие использование и охрану РЧПР, а также охрану окружающей среды от сверхнормативного воздействия радиочастотных полей, приняты в 69 государствах³.

Относительно конституционно-правового пространства Российской Федерации в ч. 2 ст. 36 Конституции Российской Федерации закреплено следующее: «Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это

не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». Это положение корреспондирует п. 3 ст. 209 и ст. 129 ГК РФ. Тем самым констатируется, что это возможно в той мере, в какой их оборот допускается законом. Кроме того, в ст. 22 ФЗ «О связи» установлено, что использование РЧС осуществляется с учетом государственных приоритетов, в том числе принципа обеспечения экологической безопасности.

Целостность институционно-правовой системы РЧПР в параметрах конституционного пространства Российского государства обозначена в формате корпуса нормативных правовых актов Российской Федерации в области охраны и использования РЧПР. Установленную юридическую значимость здесь представляют такие нормоустанавливающие юридические акты, как ФЗ «О ратификации Устава и Конвенции Международного союза электросвязи»; ФЗ «Об охране окружающей среды»; ФЗ «О связи».

В число подзаконных актов, касающихся радиопользования⁴ входят отдельные акты других видов, включая приказы Министерства связи и массовых коммуникаций

¹ Малков С. П. Международное космическое право : учеб. пособие. СПб., 2002. С. 215.

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Казахстан о сотрудничестве в области использования и развития российской глобальной навигационной спутниковой системы ГЛОНАСС, г. Астана, 22 мая 2008 г. URL: <http://tvstat.cnews.ru/encyclopaedia/?2> (дата обращения: 17.09.2014).

³ ITU-D Study Groups Resolution 9 (2006–2010) : Part II - A Legal and Organizational Aspects of National Spectrum Management. P. 8–12. URL: <http://www.itu.int/ITU-D/CDS/gq/Resolution9/pdf/Part-II/statistics/A-Legal-and-organizational-aspects-of-national-spectrum-management.pdf> (дата обращения: 25.09.2014).

⁴ Конструкция этого краткого варианта понятия такого вида природопользования, как «право пользования радиочастотными природными ресурсами (как части радиопространства, “радиосферы”»)» предлагается подобно общепризнанным наименованиям видов природопользования: право пользования атмосферным воздухом; право землепользования; право недропользования; право водопользования; право лесопользования; право пользования растительным миром вне лесов; право пользования животным миром, право охотпользования, право пользования водными биологическими ресурсами и др.

Российской Федерации, отраслевые стандарты, акты субъектов Федерации, локальные, внутриорганизационные акты, в том числе операторов связи. В качестве источника конкретизации правил пользования РЧПР имеют значение договоры и судебные решения.

3. *Объекты.* Объекты права радиопользования подразделяются по масштабу и распространенности делимы на общие, особенные и единичные; по физической природе на волновые, неволновые и вещи, связанные с радиопользованием. Существуют классификации и по иным основаниям.

МСЭ в Стратегическом плане Союза на 2012-2015 годы установлен целевой показатель “Распределение ресурсов нумерации, наименования, адресации и идентификации международной электросвязи и управление ими” (п. 5.5.4 Приложения к Резолюции 71).

В ФЗ «О связи» использованы термины «российский радиочастотный ресурс», в т. ч. «орбитально-частотный» и «ресурс нумерации» (слова “в т. ч.” использованы в абз. 7 ст. 1 напрасно, так как орбитальные позиции не входят в волны, как нельзя сказать «древесные ресурсы, в т. ч. недревесные ресурсы»).

Согласно п. 3 ст. 23 ФЗ «О связи» категории полос радиочастот делимы на полосы: преимущественного пользования для нужд органов государственной власти, обороны, безопасно-

сти и правопорядка; преимущественного пользования в целях гражданского назначения; совместного пользования радиоэлектронными средствами любого назначения.

Второй по важности объект права радиопользования, после радиоволн определенных радиочастот, ОЧР. Каждый спутник, расположенный на геостационарной орбите (в поясе Кларка¹), занимает строго определенное место – орбитальную позицию. Геостационарная орбита (далее: ГСО) – круговая орбита, проходящая через экваториальную плоскость и расположенная на высоте 35 786 км от уровня моря. Период обращения вокруг Земли спутника, выведенного на нее, равен 24 часам. То есть относительно Земли спутники неподвижны и их количество на ГСО ограничено². ОЧР – достояние государства³, определены три его вида, делимые на 10, 5, 3 орбитальных позиций соответственно (ОЧР заявленных спутниковых сетей; ОЧР сетей телевизионного вещания; ОЧР сетей фиксированной службы связи)⁴. Это важные части РЧПР, но ими совокупность элементов рассматриваемого природного ресурса не ограничивается. Можно констатировать, что ОРЧ включает орбитальные позиции с соответствующими им волнами.

Важным описанием объектов права радиопользования является определение органической функции МСЭ, в котором некоторые из них звучат так:

¹ А. К. Кларк предложил использовать ГСО для спутников связи (*Clarke A.C. Extra-Terrestrial Relays: Can Rocket Stations Give World-wide Radio Coverage? // Wireless World. 1945 (October). P. 305–308.*

² Орбитальная позиция. URL: <http://tvstat.cnews.ru/encyclopaedia/?2> (дата обращения: 25.09.2014).

³ Лапач Л. В. Указ. соч. С. 103.

⁴ О мерах по обеспечению устойчивого функционирования орбитальной группировки и развития сетей спутниковой связи и вещания Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 2 сент. 1998 г. № 1016 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 36, ст. 4516.

МСЭ «осуществляет распределение радиочастотного спектра, выделение радиочастот и регистрацию радиочастотных присвоений и, для космических служб, соответствующих позиций на орбите геостационарных спутников или соответствующих характеристик спутников на других орбитах, чтобы избежать вредных помех между радиостанциями различных стран» (ст. 2а Устава МСЭ).

Примерами терминов, редко используемых для обозначения частей радиопространства, являются «орбитальное пространство»¹, «сегмент пространства ЕУТЕЛСАТ»².

Авторитетные ученые предметно визуализируют объекты благодаря образам: выделенный диапазон РЧС – «месторождение»; совокупность выделенных стране орбит – «количество месторождений государства»; спутники – «оборудование для добычи полезных ископаемых»³. П. С. Райан использует следующие сравнения: электромагнитное загрязнение – «дым из фабричной трубы»; чрезмерная эксплуатация РЧПР – «выедание пастбища»; полосы радиочастот – «дороги, автомагистрали»⁴.

На доктринальном уровне у исследователей вызывает беспокойство

тот факт, что обязательства по предоставлению общественных услуг в соглашениях между Международной организацией спутниковой связи и ИНТЕЛСАТ; между Международной организацией подвижной спутниковой связи (далее: ИМСО) и ИНМАРСАТ сформулированы недостаточно четко⁵. Этот частный случай подтверждает важность детализации объектов права для повышения определенности норм.

Примером соглашения, посвященного отдельным категориям объектов права радиопользования (средствам), является Международное соглашение между государствами – членами ИМСО об использовании морских подвижных станций ИНМАРСАТ в территориальном море и портах⁶.

Дефиниции ресурсов и объектов, имеющие практическое значение, содержит гостановление Правительства Российской Федерации от 21 декабря 2011 г. № 1049-34 «Об утверждении Таблицы распределения полос радиочастот между радиослужбами РФ и признании утратившими силу некоторых постановлений Правительства РФ»⁷ (с их учетом даны выводы). Реальные ресурсы, объекты (волны, средства), а также ограничения их использования систематизированы в

¹ Agreement Relating to the International Telecommunications Satellite Organization «INTELSAT». Washington, 1971/ With Annexes and Operating Agreement, Entered into force: Feb. 12. 1973. URL: <http://www.islandone.org/Treaties/BH585.html> (дата обращения: 12.09.2014).

² Convention on Establishing the European Telecommunications Satellite Organization EUTELSAT, signed on July 15, 1982, Entered into Force September 1, 1985 // URL: http://www.eutelsatigo.int/en/docs/ConventionB_en.pdf (дата обращения: 12.09.2014).

³ Голубицкая Е. А., Хохлачев Н. А. Указ. соч. С. 25–29.

⁴ Ryan P. S. Op cit.

⁵ Адамов И. Н. Эволюция организационно-правовых форм международного сотрудничества в области спутниковой электросвязи на современном этапе // Журн. междунар. права и междунар. отношений. 2008. № 4. С. 21.

⁶ International Agreement on the Use of Inmarsat Ship Earth Stations within the Territorial Sea and Ports. Approved at the Fourth Session of the Inmarsat Assembly held in London from 14 to 16 October 1985, Entered into Force on 12 September 1993 // ASSEMBLY/4/Report, paragraph 9.13 and Annexes XXI to XXIV.

⁷ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 7, ст. 848.

государственных стандартах и санитарных нормах и правилах и других нормативно-технических документах¹. Аналитическая информация о требованиях, установленных в СНГ к устройствам и сооружениям, посредством которых осуществляется радиопользование, содержится в информации к Решению Совета глав правительств СНГ от 19 ноября 2010 г. (г. Санкт-Петербург) «О состоянии конкуренции на рынке телекоммуникаций государств – участников СНГ»².

Перечислить и конкретизировать все особенные ресурсы, объекты, средства, запреты, права радиопользования в объеме краткого исследования – задача дискуссионная. В ограниченном формате более вероятно поименовать, например, все категории объектов животного мира, отнесенных к объектам охоты, отличающиеся правовым режимом охотпользования, а также основные орудия, сооружения, инвентарь, характерные для способов охоты: виды оружия, боеприпасов, капканов и других устройств, приборов, оборудования, используемых при осуществлении охоты, нормы, связанные с использованием собак охотничьих пород, ловчих птиц, запреты.

Единичные объекты, ресурсы и отдельные права отражены в контрактах и судебных решениях. Примером первого рода являются конкретные спутники. Корпорация «Панасоник авионика», обеспечивающая беспроводную связь для нужд пассажиров на борту более 3 500 самолетов, объявила 11 сентября 2013 г. о заключении в Анахайме (Калифорния, США) и Люксембурге соглашения с ИНТЕЛСАТ – ведущим поставщиком спутниковых услуг в мире. В этом Соглашении конкретизированы объекты, с помощью которых осуществляться пользование радиопространством – это спутники на платформе «Эпик» Intelsat 29e и Intelsat 33e³.

Суммируем формирующееся представление о совокупности и основных видах объектов права радиопользования.

Виды составляющих РЧС (радиочастот): единичные радиочастоты (радиоволны); полосы радиочастот, включая их центральные радиочастоты; стволы (номиналы частот); радиочастотные каналы.

К неволновым ресурсам радиопространства, связанным с радиопользованием, относятся: ОРЧ (орбиталь-

¹ ГОСТ 24375-80. Радиосвязь. Термины и определения. Введ. 1982-01-01. М., 1987 ; СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03. «Гигиенические требования к персональным электронно-вычислительным машинам» Введ. 2003-06-01. М., 2003 ; ГОСТ 12.1.006-84. ССБТ. Электромагнитные поля радиочастот. Допустимые уровни на рабочих местах и требования к проведению контроля. Введ. 1986-01-01. М., 1986 ; ГОСТ 12.1.045-84 ССБТ. Электростатические поля, допустимые уровни на рабочих местах и требования к проведению контроля (с изменениями). Введ. 1985-07-01. М., 1985 ; СанПиН 2.2.4/2.1.8.056-96. Электромагнитные излучения радиочастотного диапазона (ЭМИ РЧ) Введ. 1996-05-08. М., 1996 ; СанПиН 2.2.4.1191-03 «Электромагнитные поля в производственных условиях». Введ. 2003-05-01. М., 2003 ; ГОСТ Р 50949-2001 «Средства отображения информации индивидуального пользования. Методы измерения и оценки эргономических параметров и параметров безопасности». Введ. 2002-07-01. М., 2002.

² URL: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/printPreview/text?id=2939&serverUrl=http://cis.minsk.by/reestr/ru> (дата обращения: 12.09.2014).

³ Panasonic Avionics Announces Agreement with Intelsat to Support In-Flight Wi-Fi, Mobile Phone Services and Global Television on Flights Over One of the Fastest Growing Air Travel Regions in the World. URL: <http://panasonic.aero/News/Articles/PanasonicAvionicsAnnouncesAgreementwithIntels.aspx> (дата обращения: 12.09.2014).

ные позиции геостационарных спутников и соответствующие им частоты); ресурс нумерации (цифровое, буквенное, символьное обозначение или комбинации таких обозначений, в том числе коды); ресурс наименования; ресурс адресации; ресурс идентификации международной электросвязи (например, в России 100 кодов GSM – глобального стандарта цифровой мобильной связи¹) и другие.

Особый правовой режим, отличающийся от простых вещей, и связанный с РЧПР, имеют средства радиопользования. Законодатель устанавливает жесткую зависимость между использованием спектром и использованием радиоэлектронными средствами (любого гражданского или специального назначения)². Передача вещных прав на средства не влечет за собой передачу права на пользование ресурсами (о спутниках см. п. 3 ст. 8 ФЗ «О Связи»), но использование специально изготовленных технических средств – отягчающее обстоятельство и незаконное предпринимательство криминализовано (подп. «к» п. 1 ст. 63, ст. 171 УК РФ).

В волновой спектр входят и лазерные излучения, поэтому при обнаружении работы «лазерного микрофона» правоохранительные органы могут изъять это специальное техническое средство, если у его владельца не будет соответствующих документов³.

Использование радиопространства (составляющих РЧПР) осуществляется посредством применения радиоэлектронных средств (передающих и (или) приемных устройств либо комбинации

таких устройств, включающих в себя вспомогательное оборудование). Объектами права радиопользования являются также высокочастотные устройства, сооружения радиосвязи.

Эксплуатация в установленных целях, за исключением применения в области электросвязи промышленных, научных, медицинских, бытовых и других высокочастотных устройств, также связана с радиопользованием.

В ходе будущих исследований и конкретизации источников желательно отграничить объекты права радиопользования от других объектов и обратить внимание на их правовой режим, особенно в части наиболее общих из них, крупных, имеющих международное значение, которые являются объектами интерэкоправа.

4. *Субъекты.* В рациональном использовании ресурсов радиочастот и рациональном осуществлении видов (телекоммуникационной) деятельности, связанных с беспроводной связью, заинтересованы радиослушатели, разработчики содержания, эксплуатационные организации, производители оборудования, финансовые институты, регуляторы, правительства, военные, экологи.

Субъектами международного права в области радиопользования являются государства, МСЭ, некоторые другие международные организации и иные участники международных правоотношений. В России в качестве субъектов, осуществляющих регулирование радиопользования и радиопользование, выступают следующие институты: Министерство связи и

¹ Об утверждении и введении в действие Российской системы и плана нумерации : приказ М-ва информ. технологий и связи Рос. Федерации от 17 нояб. 2006 г. № 142 // Бюл. норматив. актов федер. органов исполн. власти. 2007. № 3.

² Лапач Л. В. Указ. соч. С. 106.

³ Никитин Е. В. Правовая защита граждан от несанкционированного проникновения в их частную жизнь с помощью СТС. Окончание // Защита информации. Конфидент. 2003. № 5. С. 19–25.

массовых коммуникаций Российской Федерации, межведомственная Государственная комиссия по радиочастотам при Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), Федеральное агентство связи (Россвязь). Кроме того, в число субъектов радиопользования входят Служба специальной связи и информации Федеральной службы охраны Российской Федерации (Спецсвязь ФСО России), органы власти субъектов Российской Федерации; органы местного самоуправления муниципальных районов и городских округов; операторы связи; организации связи; пользователи радиочастотным спектром; пользователи услугами связи и др. В качестве дополнительных субъектов могут рассматриваться заявители, субпользователи РЧС, профессиональные, научно-исследовательские, общественные объединения, связанные с радиопользованием.

В сравнении с другими видами природопользования, кроме землепользования, пользования атмосферным воздухом, в ежедневной жизни радиопользование опережает по количеству вовлеченных граждан и юридических лиц (природопользователей) недропользование, лесопользование, охотпользование, пользование водными биоресурсами, водопользование (в основном население использует воду не непосредственно из водных объектов, а в результате водоснабжения и водоотведения). Упорядоченное на основе права представление комплекса услуг в области связи содействует созданию условий благоприятной окружающей среды, развитию социальной сферы,

как упорядоченное в режиме соответствующих юридических регламентов строительство дорожных магистралей оказывает благоприятное воздействие на развитие экономики, производство товаров и услуг. Таким образом, несоблюдение норм воздействия электромагнитных излучений представляет угрозу здоровью. Эти обстоятельства объясняют остроту и актуальность охраны коллективных экономических и экологических прав в области радиопользования.

5. *Охрана РЧПР.* Охрана РЧПР обозначает себя в формате деятельности субъектов государственного управления и радиопользования, МСЭ и других участников правоотношений по поддержанию условий функционирования и воспроизводства средств радиопользования, рациональному использованию РЧПР, предотвращению негативного воздействия связи и иной деятельности на РЧПР, окружающую среду и ликвидации ее последствий.

Регулирующее действие права направлено на минимизацию угроз рациональному радиопользованию, предотвращение неполной и чрезмерной эксплуатации РЧПР, соблюдение требований экологической безопасности путем осуществления таких мер, как: международно-правовая и внутригосударственная защита присвоения (назначения) радиочастот или радиочастотных каналов; охрана окружающей среды от электромагнитного излучения, предотвращение электромагнитного смога; защита («радиосферы») от помех законному радиопользованию; уборка космического мусора с геостационарной орбиты; особая охрана зарезервированных сегментов радиопространства и средств обеспечения обороны, безопасности, навигации, служб спасания и экстренных вызовов; другие меры.

Подобно пользованию другими природными ресурсами, если оно осуществляется нерационально, использование РЧПР может приводить к загрязнению окружающей среды. Массовое использование приборов, связанных с электромагнитным излучением, привело к росту физического воздействия (загрязнения окружающей среды), которое получило название «электромагнитный смог» (совокупность электромагнитных и других излучений, возникающих во время работы электромагнитного оборудования).

Состав объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду и связанные с ними ограничения, конкретизируют нормативные правовые акты экологического содержания.

В Рекомендациях Совета Евросоюза от 12 июля 1999 г. «Об ограничении облучения населения электромагнитными полями (от 0 Гц до 300 ГГц)»¹ установлены величины, параметры и способы подсчета интенсивности излучения электромагнитных полей. Документ не связан с конкретными видами и индивидуальными объектами права радиопользования, но устанавливает разрешенный предел их использования.

По объективной констатации ученых, следует признать факт применения метапринципов интерэкоправа в области радиопользования. Метапринцип интерэкоправа, известный

как принцип предосторожности (Vorsorgeprinzip (нем.), precautionary principle (англ.) применяется в академических зарубежных исследованиях о регулировании угроз жизни и здоровью граждан, которые для них потенциально представляет пользование РЧПР². Применение метапринципа выражается в запрете вредных излучений. По справедливому мнению Х. Мазара, регулирование пользования РЧПР более очевидно, чем, например, предотвращение негативных изменений климата, поскольку люди могут взять под полный контроль антропогенное загрязнение РЧПР (man-made RF emissions). Он же называет РЧПР «неосязаемой средой» и верно отмечает, что если мы не используем РЧПР в реальном времени, то это экономические потери природного ресурса для государства, а исследовать РЧПР, как правильно констатирует автор, побуждает забота об окружающей среде.

Тот факт, что электромагнитные устройства могут использоваться как оружие для выведения из строя других электронных приборов и поражения живой силы, показывает, что РЧПР — это такие природные ресурсы, использование которых должно быть под благоразумным контролем³.

П. С. Райан предлагает предположить, что РЧПР, в одно или в другое время в будущем будут управляться таким образом, который согласуется с их классификацией (как природными

¹ Council Recommendation of 12 July 1999 on the limitation of exposure of the general public to electromagnetic fields (0 Hz to 300 GHz) (1999/519/EC) // Official Journal of the European Communities. 1999 (30.07). L 199/59-70.

² Mazar (Madjar) H. An Analysis of Regulatory Frameworks for Wireless Communications, Societal Concerns and Risk: the Case of Radio Frequency (RF) Allocation and Licensing: Thesis Agreed for the Degree of Doctor of Philosophy / School of Health and Social Sciences. London, Middlesex University, 2008. P. 36, 44.

³ Ryan P. S. Application of the Public-Trust Doctrine and Principles of Natural Resource Management to Electromagnetic Spectrum // Michigan Telecommunications and Technology Law Review. 2004. P. 321.

ресурсами). В связи с этим одним из актуальных вопросов современности представляется концепция устойчивого потребления, которая является следствием установленного мета-принципа «устойчивого развития» (у П. С. Райана «природоресурсного принципа»¹).

б. *Право собственности и право радиопользования.* При рассмотрении права собственности на природные ресурсы и, соответственно, права природопользования профессор М. М. Бринчук справедливо отмечает смыслы их понимания². Эти качества относятся в том числе и к праву пользования РЧПР. Право радиопользования может рассматриваться как правовой институт, как правоотношение, как конкретное правомочие природопользователя. По условному отношению к праву собственности, право воздействия на РЧПР близко к праву воздействия на атмосферный воздух. Эти элементы и компонент природной среды не отчуждаемы, отсюда – невозможность хозяйственного господства собственника, рассмотрения их неосязаемых частей, как вещей, имущества в обычном смысле. Правомочие владения не выражено. Соответственно установлено суверенное право на распоряжение. Отсюда логически следует, что объективно право собственности на РЧПР есть правовой институт, совокупность норм, регулирующих правомочия пользования и распоряжения. Субъективно право собственности на РЧПР по своему сущностному содержанию представляет

собой совокупность правомочий пользования и распоряжения у конкретного природопользователя, органа государственной власти, осуществляющего государственное управление в области охраны и использования природных ресурсов.

Объекты и ресурсы РЧПР бестелесны³, вещами являются радиоэлектронные средства, высокочастотные устройства и сооружения связи, предназначенные для использования ресурсов радиопространства.

От вещей волновые ресурсы РЧПР, например, отличает то, что в системе вещных прав неизвестно существование внутренней иерархии среди производных прав пользования РЧПР, которое может осуществляться как на первичной, так и на вторичной основе⁴, подобно пользованию другими природными ресурсами.

Согласимся в основном с А. С. Васильевым в том, что РЧС не может быть отнесен ни к вещам, ни к имущественным правам в их традиционном понимании. Показательно на этот счет выдвигание в современной науке юриспруденции понятия «бестелесная вещь». Вполне обоснованно на концептуальном уровне ученый предложил в этой связи в теории гражданского права выделить понятие вещи *de jure*, которая, в отличие от «бестелесных имуществ», подразумевает наличие определенной «материальной» однородной субстанции. В отношении вещи *de jure* допустимо применение свойств количества, а в некоторых случаях и качества, извлечение полезных свойств из

¹ Ryan P.S. Treating the Wireless Spectrum as a Natural Resource. P. 10624.

² Бринчук М. М. Экологическое право : учебник. М., 2009. С. 80, 86.

³ Богустов А. А. Сравнительно-правовой анализ законодательства стран СНГ о нематериальных объектах права собственности // Науч. тр. РАЮН. Вып. 11. В 2 т. Т. 1. М., 2011. С. 1075–1079.

⁴ Ланач Л. В. Указ. сч. С. 109.

реализации своего права в отношении вещей *de jure* может быть не связано с действиями обязанного лица¹.

Совокупность норм, регулирующих отношения радиопользования, образует правовой институт права радиодопользования. Как правоотношение право радиодопользования определяется совокупностью прав и обязанностей, которые принадлежат сторонам в конкретном отношении по поводу использования радиопространства. Как правомочие право радиопользования представляет собой принадлежащее природопользователю субъективное право, содержание которого включает правомочия пользования частью природного ресурса в формате пользования; владения, пользования и распоряжения средствами и устройствами в соответствии с действующим законодательством.

Управление природопользованием и охрана окружающей среды могут осуществляться не только собственниками и в их интересах, но и обществом, государством в интересах народов, проживающих на соответствующей территории². Действующий в пространственных пределах Российской Федерации и экстерриториально конституционно-правовой режим верховенства права упорядочивает в параметрах соответствующих юридических актов весь корпус природоресурсной проблематики. В рамках правового Российского государства осуществляют свое регулятивное воздействие соответствующие федеральные законы, которыми устанавливаются права собственности, основы управления использованием ресурсами и

охраны окружающей среды при воздействии на соответствующие части природной среды.

Позитив законотворческого процесса в параметрах государственного строительства Российской Федерации обозначает себя через выработку специальных юридических актов по всему корпусу правового регулирования режима РЧПР. Создание целостной системы юридических норм по всему спектру природоресурсной проблематики подтверждает международно-правовую значимость заявленной приверженности Российской Федерации верховенству права. Покрытие нормами права всех направление международной и внутригосударственной политики Российской Федерации и есть в юридическом плане объективная констатация России как правового, демократического, социального государства.

При обстоятельствах заявленной со стороны государств – членом мирового сообщества приверженности верховенству права (Декларация тысячелетия 2000 г., Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.) и по факту востребованности выработки целостного правового режима по регулированию РЧПР, академический интерес несет в себе представленный П. А. Бышковым пример решения проблемы правового регулирования института РЧПР в формате конституционно-правового пространства страны, как он проявляет себя конкретно в ст. 14 Конституции Доминиканской Республики: «Природные ресурсы. Это наследие невозобновляемых природных ресурсов страны, которые находятся на территории и в морских районах, находя-

¹ Васильев А. С. Указ. соч.

² Институты экологического права / С. А. Боголюбов [и др.]. М., 2010. С. 62.

щихся под национальной юрисдикцией, генетических ресурсов, биологического разнообразия и радиочастотного спектра»¹.

Юридически обоснованным представляется вывод, согласно которому «радиочастотный спектр является общепризнанным достоянием, таким же, как земля, недра, воды и т. п.»². Соответственно, в формате конституционно-правового пространства Российской Федерации юридический режим института РЧПР может быть изложен в следующей форме: «РЧПР составляет собой основу жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории».

Согласно ч. 2 ст. 9 Конституции Российской Федерации в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности могут находиться земля и другие природные ресурсы.

Применительно к правовому регулированию института РЧПР речь с академической и практической точек зрения идет о статусе общего наследия всего мирового сообщества в целом. И здесь, как справедливо констатирует Ф. де Ман, международное сообщество в лице государств – членов ООН однозначно против любого типа долговременных и исключительных прав на природные ресурсы, которые

не связаны с небесными телами – на такие, как орбитальные позиции и сегменты РЧС³. Кроме того, собственность на РЧПР противоречит ст. II Договора о космосе 1967 г.⁴: «Космическое пространство, включая Луну и другие небесные тела, не подлежит национальному присвоению ни путем провозглашения на них суверенитета, ни путем использования или оккупации, ни любыми другими средствами».

В 2013 г. глава Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации России Н. А. Никифоров вполне обоснованно предложил признать весь радиочастотный спектр ограниченным природным ресурсом⁵. Тем самым Российская Федерация подтвердила готовность обеспечить целостность правового регулирования института РЧПР как института права.

РЧПР – *res communis omnium*, достояние человечества, распределяется МСЭ между государствами в выделенных пределах, согласно их заявкам.

Подобно другим природным ресурсам регулируется право пользования РЧПР. Обратим внимание на то, что и пользование другими природными ресурсами не регулируется одновременно во всей полноте их составляющих в буквальном смысле, но регулирует отношения по использованию их частей,

¹ Бышков П. А. Конституция Доминиканской Республики от 26 января 2010 г. // Экологические положения конституций / под ред. Е. А. Высторобца; [предисл. Ю. С. Шемшученко, вступ. сл. В. И. Данилова-Данильяна, интервью с С. А. Боголюбовым]. М.; Уфа, 2012. С. 79.

² Никитин Е. В. Указ. соч.

³ De Man P. The Exploitation of Outer Space and Celestial Bodies – a Functional Solution to the Natural Resource Challenge. Leuven Centre for Global Governance Studies. Katholieke Universiteit Leuven. Working Paper No. 54. November. 2010. P. 14.

⁴ Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Москва – Вашингтон – Лондон, 27 янв. 1967 г.) // СДД СССР. Вып. XXV. М., 1972. С. 41–45.

⁵ Министерство связи и массовых коммуникаций Российской Федерации решило признать радиочастоты ограниченным природным ресурсом. URL: <http://lenta.ru/news/2013/05/25/resource/> (дата обращения: 25.09.2014).

отдельных природных объектов, как регулирует использование полос радиочастот и радиочастотных каналов и других объектов РЧПР.

Институт использования РЧПР как институт права носит целостный по форме и законченный по содержанию характер. В формате общего наследия человечества (*res communis omnium*) институт РЧПР показательно обозначает себя в параметрах заявительных требований государств на основе принципа суверенного равенства всех государств – членов мирового сообщества. Позитив правоприменительной практики применительно к реализации института РЧПР установлен в режиме недопустимости нарушения или злоупотребления правом.

Российская Федерация как великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН в порядке заявленной приверженности верховенству права проводит последовательный курс на всестороннее соблюдение

всего корпуса международно-правовых норм в области охраны окружающей среды. Включенность Российской Федерации в международную нормативную систему определяется практическим вкладом в дело обеспечения законности и правопорядка.

Вклад Российской Федерации в международную нормативную систему по всему спектру природоохранной деятельности государств проявляет себя в формате обеспечения добросовестного выполнения корпуса международных обязательств в соответствии с Уставом ООН со стороны всех государств – членов ООН. Позитив внешнеполитического курса Российского государства обозначен в параметрах обеспечения юридической безопасности (совокупность субъективных прав и законных интересов) всех государств – членов мирового сообщества в режиме целостности универсальной системы безопасности и в формате суверенного равенства всех государств.

Библиографический список

1. Баранов А. А. Правовые проблемы использования ограниченного радиочастотного ресурса / А. А. Баранов // Евраз. юрид. журн. – 2014. – № 1 (68). – С. 154–160.
2. Лапач Л. В. Правовое регулирование российского радиочастотного ресурса / Л. В. Лапач // Хозяйство и право. – 2007. – № 11. – С. 103.
3. Ryan P. S. Treating the Wireless Spectrum as a Natural Resource / P. S. Ryan // *Environmental Law Reporter*. – 2005. – № 9 (35). – P. 10620–10629.

References

1. Baranov A. A. Legal Problems of the Limited Radio Frequency Natural Resource Use. *Evrzjiskij Yuridicheskij Zhurnal*. 2014. No. 1(68). P. 154–160.
2. Lapach L. V. Legal Regulation of Russian Radio Frequency Natural Resource. *Khozyaistvo i Pravo*. 2007. No. 11. P. 5–112.
3. Ryan P. S. Treating the Wireless Spectrum as a Natural Resource. *Environmental Law Reporter*. 2005. No. 9 (35). P. 10620–10629.

И. В. Гордиенко

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОБСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Аннотация. В статье автор анализирует термины «собственная безопасность» и «обеспечение собственной безопасности», проводит их сравнительный анализ, определяет смысл данных понятий для оперативных подразделений собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе и формулирует авторское понятие «собственной безопасности уголовно-исполнительной системы».

Ключевые слова: собственная безопасность, подразделения собственной безопасности, субъекты обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе.

I. V. Gordienko

THE CONCEPT OF YOUR OWN SAFETY IN THE CRIMINAL EXECUTIVE SYSTEM

Abstract. In article the author analyzes the terms "private security" and "their own security", makes their comparative analysis, defines the meaning of these concepts for the operational divisions of own safety of the penal system and the author formulates the concept of «self-security in the penal system».

Key words: private security, own security, subjects of own safety in the penal system.

Сегодня термин «собственная безопасность» все активнее употребляется как специалистами, так и в средствах массовой информации, освещающих результаты борьбы с коррупционными проявлениями. Однако в настоящее время не существует нормативно закрепленного содержания указанного термина, а также тесно связанного с ним термина «обеспечение собственной безопасности». В связи с этим мы попытались определить смысл данных понятий для оперативных подразделений собственной безопасности уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) в рамках настоящей публикации.

Приступая к изучению содержания любого юридического понятия,

целесообразно начинать с его семантического анализа. Толковый словарь русского языка дает следующее определение безопасности: это состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности, а слова «собственный», означает находящийся в непосредственном ведении, распоряжении, подчинении кого-чего-нибудь, свойственный только чему-нибудь¹, «обеспечение» – снабжение чем-нибудь в нужном количестве².

Таким образом, мы можем заключить, что понятия «собственная безопасность УИС» – это состояние защищенности от опасности, поддержание которого находится в ведении УИС. В свою очередь, обеспечение

© Гордиенко И. В., 2015

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. И. Толковый словарь русского языка М., 2010ю С. 687.

² Там же. С. 396.

собственной безопасности есть эффективная деятельность УИС по поддержанию своего состояния защищенности от опасности.

Мониторинг существующей нормативной правовой базы обеспечения деятельности оперативных подразделений собственной безопасности УИС показал, что отсутствует законодательное толкование даже такого основополагающего понятия, как безопасность. Указанный термин раскрывался в Законе Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз¹. Однако сменивший его Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»² указанное положение не повторил и не изменил, тем самым исключив его полностью.

Необходимо подчеркнуть, что различные ученые неоднократно пытались дать определение понятия безопасности. Так, авторы учебника «Экономическая и национальная безопасность» предлагают следующее понимание: состояние, ситуация спокойствия, проявляющаяся в результате реальной опасности (как физической, так и моральной), а также материальные, экономические, политические условия, соответствующие органы и организации, способствующие созданию данной ситуации³. Глубокий анализ различных научных позиций по этому вопросу был осуществлен профессором М. Ю. Зеленковым⁴, в результате которого он пришел

к выводу, что как в науке, так и в практике (нормативной) пока еще существует широкое поле деятельности по созданию единого понимания сущности и содержания безопасности. Кроме того, он сформулировал свое понятие безопасности: Это такое состояние объекта, которое позволяет исключить нанесение ему ущерба, превышающего допустимый уровень.

Не вдаваясь в научную дискуссию в целом по поводу определения понятия «безопасность», мы считаем целесообразным, изучив многообразие научных взглядов на рассматриваемый термин, сузить круг исследования до понятия «собственная безопасность».

Следует отметить, что впервые понятие «собственная безопасность» применительно к УИС было использовано в Указе Президента Российской Федерации от 31 октября 2009 г. № 1229 «Об утверждении перечня должностей высшего начальствующего состава в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы и соответствующих этим должностям специальных званий»⁵, на основании которого в центральном аппарате ФСИН России была введена должность начальника управления собственной безопасности, а также в приказе директора ФСИН России от 6 ноября 2009 г. № 440 «Об организационных вопросах Федеральной службы исполнения наказаний»⁶, в соответствии с которым в центральном аппарате ФСИН России было создано управление собственной безопасности. Однако в указанных источниках цели и задачи по

¹ Рос. газ. 1992. 6 мая.

² Парламент. газ. 2011. 14–20 янв.

³ Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. М., 2004. С. 13–14.

⁴ Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография. М., 2013.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 45, ст. 5318.

⁶ Ведомости уголов.-исполн. системы. 2009. № 12.

обеспечению собственной безопасности не раскрывались, а их нормативного закрепления нет и по сей день.

Анализируя существующие научные толкования рассматриваемого термина, следует выделить точку зрения Ю. А. Тимофеева, утверждающего, что собственная безопасность системы органов внутренних дел – состояние защищенности указанной системы, позволяющее ей нормально существовать и функционировать в условиях неблагоприятных внешних и внутренних факторов, направленных на дезорганизацию ее деятельности»¹. Он же дает понятие обеспечения (осуществления мер) собственной безопасности: это «деятельность органов внутренних дел, специально созданных подразделений, а также сформированного ими негласного аппарата, направленная на выявление, предупреждение и пресечение правонарушений сотрудников (работников) ОВД, предотвращение проникновения в эти органы лиц, преследующих противоправные цели, организацию государственной защиты личного состава и их близких от преступных посягательств»².

Еще ближе по предмету изучения находится позиция Д. А. Косоногова, утверждающего, что «собственная безопасность УИС – это внутриорганизационная система мер, средств, условий, характеризующих готовность учреждений и органов УИС противостоять неправомерному вмешательству в их деятельность при взаимоотношениях с внешней

средой и негативным внутренним процессом с целью нормального функционирования и развития УИС, и позволяющих выполнять поставленные задачи и функции»³. Кроме того, уважаемый автор формулирует понятие обеспечения собственной безопасности УИС как «деятельность (непрерывное, упорядоченное, последовательное функционирование) специального субъекта (оперативно-розыскного подразделения ФСИН) по созданию, соблюдению требований (контроль над их исполнением) и условий, необходимых и достаточных для прогнозирования, выявления и противодействия угрозам УИС»⁴.

Приступая к сравнительному анализу указанных понятий и выработке авторских формулировок определения собственной безопасности УИС и ее обеспечения, мы считаем целесообразным напомнить, что точность и ясность формулировок определений, четкое их языковое воплощение, правильное и единообразное употребление терминологии выполняют важнейшие коммуникативные и познавательные функции⁵. Заметим также, что понятие представляет собой целостную совокупность суждений об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которого являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных особенностях этого объекта⁶. Поскольку содержание всякого понятия составляют существенные признаки предметов дей-

¹ Тимофеев Ю. А. Организационно-правовые основы деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук М., 2002. С. 8–9.

² Там же.

³ Косоногов Д. А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе // Вестн. Перм. ун-та. 2012. Вып. 2(16). С. 219.

⁴ Там же. С. 220.

⁵ Маркушин А. Г. О научных проблемах оперативно-розыскной деятельности : сб. ст. / под ред. А. А. Фальченко. Н. Новгород, 1996. Вып. 2. С. 11.

⁶ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. М., 1976. С. 457.

ствительности, то определение понятия есть вместе с тем раскрытие сущности соответствующего предмета¹.

Исходной предпосылкой при конструировании понятия собственной безопасности УИС, на наш взгляд, является то, что она не может быть абсолютной, идеально существующей. Возьмем на себя смелость предположить, что в силу значительного количества сотрудников и работников УИС, заключенных под стражу и осужденных, иных лиц, чьи интересы по различным причинам пересекаются со сферой исполнения уголовных наказаний интересам государства в лице УИС постоянно причиняется некий, различный по размеру и виду, ущерб, носящий в том числе глубоко латентный характер.

Ключевым, определяющим понятием, позволяющим раскрыть сущность исследуемого вопроса, по нашему мнению, является термин «состояние». Анализ вышеприведенных, а также лишь изученных нами определений безопасности показывает, что в большинстве случаев она определяется через данный термин. В связи с этим нельзя согласиться с Д. А. Косоноговым, утверждающим, что собственная безопасность УИС – это внутриорганизационная система мер, средств, условий...² Представляется, что система мер может быть направлена на обеспечение указанной безопасности, тогда как сама она безопасностью являться не может, как не является защитой жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных

посягательств совокупность оперативно-розыскных мероприятий³.

Кроме того, мы считаем необходимым привнести в определение заявленного понятия родовую признак, т. е. указание на то, кем осуществляется указанная деятельность. Исходя из значения имени прилагательного «собственная», мы можем утверждать, что собственная безопасность УИС обеспечивается непосредственно подразделениями УИС. В связи с этим встает вопрос, является ли деятельность по выявлению коррупции и иных правонарушений, совершаемых сотрудниками УИС, иная схожая деятельность, осуществляемая оперативными подразделениями Федеральной службы безопасности, органов внутренних дел и т. д., обеспечением собственной безопасности УИС? Мы считаем, что не является, так как эта работа проводится в рамках общего противодействия противоправным деяниям.

Для того чтобы выделить отличительные признаки исследуемого объекта, его наиболее общие и существенные особенности, необходимо исходить из задач, решаемых объектом, а также функций, вытекающих из указанных задач. Учитывая отсутствие правового закрепления задач и функций подразделений по обеспечению собственной безопасности в УИС мы считаем допустимым основываться на информации, размещенной на официальном сайте ФСИН России на странице управления собственной безопасности⁴.

В соответствии с ней основными задачами управления являются:

¹ Иванов Е. А. Логика : учебник. 2-е изд., перераб. и доп., М., 2001. С. 3.

² Косоногов Д. А. Указ. соч. С. 219.

³ См. ст. 1 Федерального закона от 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Рос. газ. 1995. 18 авг.

⁴ URL: <http://фсин.рф/structure/safety/> (дата обращения: 18.04.2015).

– обеспечение государственной защиты работников УИС и федеральных государственных гражданских служащих ФСИН России, а также членов их семей;

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений и иных правонарушений коррупционной направленности, подготавливаемых, совершаемых или совершенных работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России;

– предотвращение проникновения на службу и работу в УИС лиц, преследующих противоправные цели;

– выявление в учреждениях и органах УИС причин и условий невыполнения требований собственной безопасности, нарушения режима секретности, способных привести к утечке информации, возникновению угроз безопасности работников и объектов УИС, расшифровке и срыву проводимых оперативно-розыскных мероприятий;

– выявление, предупреждение и пресечение в пределах своей компетенции деятельности организованных преступных сообществ, коммерческих структур, а также отдельных лиц, направленной на агентурное, физическое или техническое проникновение в УИС с целью нанесения ущерба собственной безопасности;

– выявление и устранение условий, способствующих совершению преступлений и иных правонарушений работниками УИС и федеральными государственными гражданскими служащими ФСИН России.

Продолжая исследовать вопрос о субъектах обеспечения собственной безопасности УИС, необходимо отметить следующее. Исходя из названия, а также задач подразделений собственной безопасности ФСИН России, можно заключить, что основными субъектами по данной линии работы являются именно они – управление собственной безопасности ФСИН России (центральный аппарат) и подразделения собственной безопасности территориальных органов ФСИН России. Однако существуют ли иные субъекты? Мы считаем себя вправе дать положительный ответ на этот вопрос. Анализ вышеуказанных задач показывает, что их решение частично входит в компетенцию оперативных подразделений учреждений и органов УИС. Так, в частности, в соответствии со ст. 2 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и сложившейся практикой в компетенцию оперативных подразделений учреждений и органов УИС входит решение следующих задач:

– выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений (в том числе и коррупционной направленности, вне зависимости от должностной принадлежности лиц, причастных к их подготовке и совершению);

– выявление в учреждениях и органах УИС причин и условий нарушения режима секретности, способных привести к утечке информации, расшифровке и срыву проводимых оперативно-розыскных мероприятий (в рамках решения задачи добывания информации о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу информационной безопасности Российской Федерации).

Таким образом, мы делаем вывод о существовании двух субъектов обеспечения собственной безопасности в УИС – специализированных подразделений собственной безопасности и

оперативных подразделений учреждений и органов УИС.

Следует также внести ряд дополнений и пояснений, необходимых для однозначного понимания формулируемых понятий. Так, говоря об УИС, следует иметь в виду, что в соответствии со ст. 5 Закона Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» УИС включает в себя:

- 1) учреждения, исполняющие наказания;
- 2) территориальные органы уголовно-исполнительной системы;
- 3) федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий правоприменительные функции, функции по контролю и надзору в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении осужденных¹.

В УИС по решению Правительства Российской Федерации могут входить следственные изоляторы, предприятия, специально созданные для обеспечения деятельности УИС, научно-исследовательские, проектные, медицинские, образовательные и иные организации².

Исходя из информации, размещенной на официальном сайте ФСИН России, в состав УИС входят: центральный аппарат ФСИН России; подразделения, непосредственно подчиненные ФСИН России; территориальные органы ФСИН России; учреждения, непосредственно подчиненные территориальным органам ФСИН России; исправительные учреждения, следственные изоляторы и уголовно-исполнительные инспекции³. В связи

с этим предлагается в дальнейшем использовать обобщенный термин «учреждения и органы УИС».

Возвращаясь к значению определяемого термина, отметим, что безопасность – состояние защищенности от опасности. Попытаемся выделить наиболее общие задачи подразделений собственной безопасности УИС, исходя из критического переосмысления их содержания, заявленного на официальном сайте ФСИН России. Представляется, что это:

– обеспечение государственной защиты работников УИС и членов их семей;

– противодействие правонарушениям, подготавливаемым, совершаемым или совершенным работниками УИС, причиняющим ущерб интересам УИС (в соответствии со ст. 24 Закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» в это понятие входят все категории рабочих и служащих учреждений и органов УИС);

– предотвращение агентурного, физического или технического доступа лиц, преследующих противоправные цели, к информации, принадлежащей УИС;

– выявление в учреждениях и органах УИС причин и условий, способствующих совершению правонарушений работниками УИС, а также возникновению угроз безопасности работников и объектов УИС, расшифровке и срыву проводимых оперативно-розыскных мероприятий.

Особо заметим, что мы сузили задачу противодействия правонаруше-

¹ Ведомости Съезда нар. депутатов и Верхов. Совета Рос. Федерации. 1993. № 33, ст. 1316.

² Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему: постановление Правительства Рос. Федерации от 1 февр. 2000 г. № 89 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 6, ст. 769.

³ URL: <http://фсин.рф/fsin/structure/> (дата обращения: 18.04.2015).

ниям, подготавливаемым, совершаемым или совершенным работниками УИС, внося в нее конкретизирующий фактор «причиняющим ущерб интересам УИС», так как правонарушения, совершаемые работниками УИС в быту, не входят в компетенцию УИС, а являются предметом деятельности иных правоохранительных органов (например, органов внутренних дел, наркоконтроля) или специальных служб (Федеральной службы безопасности).

Исходя из вышеизложенного, мы считаем возможным выделить общие для всех задач признаки: противоправность посягательства и его объект – учреждения и органы УИС.

Таким образом, мы предлагаем авторское определение собственной безопасности УИС: это обеспечиваемое уполномоченными на то подразделениями УИС состояние защищенности учреждений и органов УИС от противоправных действий, причиняющих ущерб учреждениям и органам УИС. В свою очередь, обеспечение собственной безопасности в УИС есть деятельность уполномоченными на то подразделений УИС по поддержанию состояния защищенности учреждений и органов УИС от противоправных действий, причиняющих ущерб учреждениям и органам УИС.

Библиографический список

1. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография / М. Ю. Зеленков. – М. : Юрид. ин-т МИИТа, 2013. – 196 с.
2. Иванов Е. А. Логика : учебник / Е. А. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2001. – 336 с.
3. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Наука, 1975. – 721 с.
4. Косоногов Д. А. О понятии обеспечения собственной безопасности в уголовно-исполнительной системе / Д. А. Косоногов // Вестн. Перм. ун-та. – 2012. – Вып. 2(16). – С. 215–222.
5. Тимофеев Ю. А. Организационно-правовые основы деятельности подразделений собственной безопасности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 / Тимофеев Юрий Александрович. – М., 2002. – 23 с.
6. Экономическая и национальная безопасность : учебник / под ред. Е. А. Олейникова. – М. : Экзамен, 2004. – 768 с.

References

1. *Zelenkov M. Yu.* Theoretical and Methodological Problems of the Theory of National Security of the Russian Federation. M., Yuridicheskij Institut MIITa, 2013. 196 p.
2. *Ivanov E. A.* Logic. 2nd ed., rev and enl. M., Volters Kluver, 2001. 336 p.
3. *Kondakov N. I.* Logical Dictionary-reference Book. 2nd ed., revand enl. M., Nauka, 1975. 721 p.
4. *Kosonogov D. A.* On the Concept of Ensuring own Safety Within the Prison System. *Vestnik Permskogo Universiteta*. 2012. Iss.2(16). P. 215–222.
5. *Timofeev Yu. A.* Organizational-legal bases of activity of divisions of own security of bodies of internal Affairsю M., 2002. 23 p.
6. Economic and national security. Ed by E. A. Olejnikov. M., E'kzamen, 2004. 768 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ

Аннотация. В статье рассмотрен институт отсрочки отбывания наказания осужденных, больных наркоманией. Автором проведен краткий анализ проблемных вопросов исполнения отсрочки отбывания наказания и предложены пути решения спорных вопросов реализации данного института права.

Ключевые слова: наказание, осужденный, наркомания, отсрочка отбывания наказания, исполнение, обязанность, ответственность.

ACTUAL PROBLEMS OF EXECUTION SUSPENDED SENTENCE FOR DRUG ADDICTS

Abstract. Institute of a suspended sentence for drug addicts is considered in article. The author carried out the short analysis of problem questions of execution of a suspended sentence. As a result of the conducted research solutions of controversial questions of realization of the right granted institute are offered.

Key words: punishment, convict, drug addiction, suspended sentence, execution, duty, responsibility.

Традиционно Россия занимает одно из лидирующих мест в мире по количеству заключенных в расчете на 100 тыс. населения страны. Согласно статистическим данным, по состоянию на начало 2000 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось более 1 млн человек, на 1 февраля 2012 г. – уже 697,5 тыс. человек, а на 1 августа 2014 г. – 675,4 тыс. человек¹. Несмотря на снижение данного показателя в последние годы, он является значительным и требует проведения рационализации политики в области уголовного правосудия и уголовно-исполнительной политики посредством приведения

их в соответствие с международным законодательством с учетом достижения целей защиты общества и предотвращения преступлений.

Одним из прогрессивных направлений реформирования судебной и уголовно-исполнительной систем является создание условий для широкого применения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества. С учетом вышеуказанного уменьшения числа лиц, в отношении которых были вынесены обвинительные приговоры суда, среди них наблюдается увеличение процентного соотношения числа осужденных без изоляции от общества к лишению

свободы. Согласно статистическим данным в 2007 г. к наказаниям без изоляции от общества были осуждены более 615 тыс. человек от общего числа осужденных в 916 тыс. человек, что составило 67,1 %, в 2009 г. – около 599 тыс. человек из 882 тыс. и равнялось 68 % соответственно, в 2011 г. – 555 тыс. человек из 780 тыс. осужденных за год и 71 %, в 2012 г. – 533 тыс. человек из 739 тыс. осужденных за год и 72 %, в 2013 г. – 526 тыс. из 736 тыс. и 71 % соответственно¹.

Данные показатели достигаются путем введения новых видов наказаний, альтернативных лишению свободы, увеличения количества санкций, предусматривающих наказания, не связанные с изоляцией от общества, а также широкого применения судами наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

В частности, в соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»² был введен новый вид отсрочки отбывания наказания – отсрочка отбывания наказания больным наркоманией. Появление данного уголовно-правового института и его применение в практической деятельности поставили перед юридической наукой задачи по его исследованию и анализу, что способствовало выявлению проблемных вопросов, требующих изучения и решения.

Так, на стадии исполнения решения суда об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией возникает немало сложностей. Например, в соответствии с ч. 5 ст. 187.1 УИК РФ

порядок осуществления контроля за данной категорией лиц определяется нормативными правовыми актами, утверждаемыми федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере исполнения уголовных наказаний, совместно с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере здравоохранения, по согласованию с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Однако такого нормативного правового акта до настоящего времени не разработано. Анализ практической деятельности уголовно-исполнительных инспекций (далее: УИИ) показывает, что рассматриваемый уголовно-правовой институт исполняется аналогично условному осуждению с возложенной обязанностью «пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию» с применением некоторых положений отсрочки отбывания наказания беременной женщине, женщине, имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, мужчине, имеющему ребенка в возрасте до четырнадцати лет и являющемуся единственным родителем. Думается, данный порядок деятельности УИИ достаточно логичен и их сходство не стоит отрицать. В связи с этим мы предлагаем дополнить приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без

¹ Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2007–2013 годах. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.08.2014).

² Рос. газ. 2011. 9 дек.

изоляции от общества»¹ с изменениями, внесенными приказом Минюста России от 27 декабря 2010 г. № 411 «О внесении изменений в Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2009 г. № 142»² путем введения дополнительной главы 8.1 «Контроль за поведением осужденных, в отношении которых отбывание наказания отсрочено в связи с заболеванием наркоманией».

Следующим немаловажным вопросом исполнения данной меры уголовно-правового характера является проблема обеспечения лечения, а также медицинской и социальной реабилитации осужденного, а именно отсутствие также нормативной правовой базы взаимодействия УИИ и соответствующих медицинских учреждений, а также необходимого количества самих данных учреждений.

В соответствии со ст. 55 Федерального закона от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»³ лечение больных наркоманией проводится только в учреждениях государственных и муниципальных систем здравоохранения, среди которых по состоянию на 2011 г. функционировало 138 наркологических диспансеров, 1856 наркологических кабинетов, имелось 25,5 тысяч коек для больных⁴. В настоящее время ситуация практически не изменилась. В свою очередь,

прохождение медицинской и социальной реабилитации возможно в медицинских учреждениях наркологического профиля любой организационно-правовой формы, что следует из ответов Верховного Суда Российской Федерации на вопросы, поступившие из судов по вопросам применения и исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией⁵, которых насчитывается около 300–500 реабилитационных центров⁶, и функционируют они, как правило, без поддержки государственных и муниципальных властей. На наш взгляд, данные условия лечения и реабилитации больных наркоманией не достаточны для обеспечения процесса реализации отсрочки отбывания наказания больным наркоманией, на что мы обращаем внимание.

Помимо этого, вызывает интерес институт обязанностей данной категории лиц, анализ которого позволил сделать заключение о его несогласованности. Например, исходя из буквального толкования ч. 2 ст. 82.1 УК РФ и ч. 7 ст. 178.1 УИК РФ следует: для того чтобы признать осужденного уклоняющимся от лечения, а также медицинской и социальной реабилитации по основанию скрытия от контроля УИИ, требуется двукратность указанных действий. Кроме того, не можем не обратить внимание на дублирование запретов и требований, указанных в ч. 7

¹ Рос. газ. 2009. 14 авг.

² Там же. 2011. 21 янв.

³ Там же. 1998. 15 янв.

⁴ *Готчина Л. В.* Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 45.

⁵ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», утвержденные Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 27 июня 2012 г. // Бюл. Верхов. Суда Рос. Федерации. 2012. № 11.

⁶ *Иванов В.* От чего зависит наркоман и от чего зависит его лечение // Рос. газ. 2011. 15 апр.

ст. 178.1 УИК РФ: в практике деятельности соответствующих медицинских учреждений требование по выполнению предписаний лечащего врача включает в себя запрет на употребление наркотических средств или психотропных веществ, употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ.

Возникают вопросы и при исследовании последствий течения рассматриваемого вида отсрочки отбывания наказания. Удивляет та категоричность, с которой суды обязаны принимать решения по вопросам отмены отсрочки отбывания наказания больным наркоманией: при прохождении курса лечения и реабилитации осужденного, а также при наличии двухлетней положительной ремиссии – обязательное освобождение осужденного от отбывания наказания или оставшейся части наказания, а при уклонении от лечения или реабилитации при наличии ранее вынесенного официального предупреждения – обязательная отмена отсрочки с исполнением наказания. Данные формулировки ч. 2 и 3 ст. 82.1 УК РФ не позволяют учитывать все условия объективного и субъективного характера, например, личность осужденного или наличие действительно уважительной причины при нарушении осужденным условий предоставления отсрочки отбывания наказания, к соблюдению чего призывает, например, формулировка ч. 8 ст. 178.1 УИК РФ: «с учетом заключения врача и поведения осужденного».

По нашему мнению, также следует предусмотреть возможность наступления положительных последствий для осужденного при соблюдении им условий лечения и прохождения реабилитации без двухлетней ремиссии. Анализ вынесенных судебных решений о применении данного

вида отсрочки отбывания наказания позволяет заключить, что средний срок отсрочки составляет от 2 до 3 лет, что не предполагает наступление возможности досрочной отмены отсрочки отбывания наказания по положительным мотивам в соответствии с ч. 3 ст. 82.1 УК РФ. В данных условиях также необходимо учитывать личность осужденного.

Следующий вопрос, вызвавший у нас интерес, заключается в том, что в соответствии с ч. 2 и 7 ст. 399 УПК РФ участие сотрудника УИИ в судебном заседании по вопросам исполнения отсрочки отбывания наказания больным наркоманией является обязательным. В данном случае судебное заседание начинается с его доклада по поставленному вопросу. Затем исследуются представленные материалы, выслушиваются объяснения лиц, явившихся в судебное заседание, мнение прокурора, после чего судья выносит постановление. При этом ч. 6 рассматриваемой статьи не обязывает прокурора принимать участие в судебном заседании, что нередко и происходит во время судебных заседаний. При данных обстоятельствах возникают ситуации, когда в судебном заседании присутствует осужденный, его адвокат, законный представитель и иные представители стороны защиты, в свою очередь, со стороны обвинения интересы представлять некому. Таким образом, на наш взгляд, нарушается принцип состязательности сторон, предусмотренный ст. 15 УПК РФ, поскольку для всякого состязания необходимы как минимум два конкурирующих субъекта. В связи с тем, что право обжалования судебного решения принадлежит осужденному, его законному представителю, адвокату и прокурору, представитель УИИ при

решении вопросов, обозначенных в ст. 397 УПК РФ, является фактически бесправным в судебном заседании, т. е. его мнение фактически судом не учитывается.

Анализ указанных обстоятельств позволяет говорить о двух вариантах возможных решений данной проблемы: во-первых, наделить сотрудников УИИ полномочиями, придав им соответствующий статус; во-вторых, обязать присутствовать прокурора в судебном заседании по указанным вопросам. На наш взгляд, наиболее приемлемым является второй вариант, в связи с чем предлагаем обязать присутствовать представителей прокуратуры в ходе судебного заседания при рассмотрении вопросов, изложенных в ст. 397 УПК РФ. Реализация предложения позволит разре-

шить аналогичные проблемы, возникающие при рассмотрении вопросов исполнения и отбывания уголовного наказания в виде лишения свободы.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости доработки обозначенного вопроса. Невозможно не согласиться с мнением О. А. Помигаловой, утверждающей, что практическая реализация изменений и дополнений уголовно-правовых норм в совокупности с медицинской и социальной помощью может рассматриваться как одна из составляющих государственной системы снижения уровня наркотизации общества и позволит обеспечить выполнение Российской Федерацией целого ряда международно-правовых актов, касающихся отправления правосудия¹.

Библиографический список

1. Готчина Л. В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Готчина Лариса Владимировна. – Спб., 2011. – 46 с.
2. Помигалова О. А. Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ / О. А. Помигалова // Наркоконтроль. 2011. – № 2. – С. 12–14.

References

1. Gotchina L. V. Youth Narcotism in Modern Russia: Criminological Analysis and Pro-lactica. Spb., 2011. 46 p.
2. Pomigalova O. A. On the Alternative Responsibility of Minors for Crimes Related to Illegal Trafficking of Narcotic Drugs and Psychotropic Substances. *Narkokontrol'*. 2011. No. 2. P. 12–14.

¹ Помигалова О. А. Об альтернативной ответственности несовершеннолетних за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ // Наркоконтроль. 2011. № 2. С. 14.

А. В. Кирьянов, О. Е. Кирьянова

ТЕРРОРИЗМ: ВОПРОСЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ЭВОЛЮЦИИ, ПРИЗНАКИ

Аннотация. Данная статья посвящена понятию терроризма, проблеме квалификации этого международного преступления. Рассмотрен процесс эволюции терроризма, цели террористической деятельности. Выделены признаки терроризма на основе его истории, а также на основе положений, закрепленных в современном законодательстве различных государств. Освящена проблема отсутствия общепринятого определения понятия «терроризм», предложено авторское определение данного понятия на основе выделенных признаков.

Ключевые слова: терроризм, преступление, террористический акт, геноцид, понятие терроризма, устрашение, история терроризма.

A. V. Kir`ianov, O. E. Kir`ianova

QUESTIONS OF DEFINITION, EVOLUTION, SIGNS

Abstract. This article focuses on the concept of terrorism, the problem of qualification of international crimes. The process of evolution of terrorism, terrorist activity goals. Marked signs of terrorism on the basis of its history, as well as on the basis of the provisions enshrined in the current legislation of different countries. Consecrated problem of lack of universally accepted definition of “terrorism”, invited the author's definition of this concept based on the extracted features.

Key words: terrorism, crime, act of terrorism, genocide, the concept of terrorism, intimidation, history of terrorism.

С момента возникновения человеческой цивилизации появилось множество способов достижения политических целей насильственными средствами. Одним из таких способов стал террор. Сегодня терроризм продолжает оставаться одной из наиболее серьезных угроз миру и безопасности. Террористические акты совершаются в различных формах: бомбовый терроризм, захват воздушных судов, захват заложников и др. В международных правовых актах закреплены положения, касающиеся противодействия каждому из видов терроризма. Однако до сих пор отсут-

ствует общепринятое понятие терроризма, что затрудняет сотрудничество государств в борьбе с очень опасным для всего человечества, противоправным явлением.

В настоящее время понятие «терроризм» во внутригосударственных актах трактуется довольно разнообразно, но при этом во всех определениях можно выделить общие признаки данного явления. Это позволит выявить всеми признаваемые признаки и сформулировать приемлемое для большинства участников международного общения универсальное определение понятия «терроризм».

Формирование такого сложного понятия, как терроризм необходимо начать с уяснения сущности данного явления. Для этого целесообразно обратиться к истории терроризма, что даст возможность проследить, как изменялось данное преступное деяние с течением времени, и что называли терроризмом на каждом этапе его истории.

Само по себе явление терроризма появилось довольно давно. Можно выделить 5 этапов в эволюции данного преступного деяния¹.

1. От античности до 40-х гг. XIX в. В этот период происходило формирование основ террористической деятельности, стали появляться первые организационные общества, которые использовали террор как метод борьбы.

Террор возник как особая форма насилия – принуждение одних через насилие над другими. Следы проявления терроризма можно обнаружить на Древнем Востоке, в греческих и римских республиках. Так, один из древнейших литературных памятников – Ветхий Завет – свидетельствует о том, что более 2,5 века назад на территории Египта были осуществлены деяния, которые можно квалифицировать как террористические акты. Они известны как «казни египетские»². Эти акции были проведены для устрашения фараона, державшего в рабстве евреев. Конечной целью этих террористических актов являлось освобождение еврейского этноса. Но при этом надо учитывать, что как в данный исторический период, так и в последующие времена террор ис-

пользовался не только оппозиционными силами, но и господствующей властной элитой. Используя его, такие диктаторы, как Сулла, Нерон, Цезарь стремились не только уничтожить своих противников, но и запугать их, заставить отказаться от проявления враждебности в дальнейшем.

Применительно к античности понятие «терроризм» можно трактовать как особую форму насилия, осуществляемую как правящей верхушкой, так и оппозиционными к власти силами в целях устрашения и принуждения противника для достижения каких-либо политических либо социальных целей.

В рабовладельческом обществе государство уже являлось субъектом террористической деятельности. Оно использовало террор в качестве законного средства массового принуждения к труду, управления обществом, а также для подавления политических противников.

В современном значении термин «террор» стал употребляться в конце XVIII в., во времена Великой французской революции³. В 1792 г. пришедшие к власти якобинцы выдвинули лозунг «Да будет день подчинен террору!», они создали первое государство, вся деятельность которого была построена на терроре, что и послужило появлению трактовки термина «терроризм» как *системы правления, которая основана на страхе*.

2. С 40-х гг. XIX в. до 20-х гг. XX в. На этом этапе развития терроризма

¹ История терроризма. URL: http://uvvr.udsu.ru/files/terrorizmas_uvvr_2009.doc (дата обращения: 02.04.2015).

² Возжеников А. В. Международный терроризм: борьба за геополитическое господство. М., 2005. С. 65.

³ Генифе П. Французская революция и террор // Французский ежегодник 2000: 200 лет Французской революции 1789—1799 гг.: итоги юбилея. М., 2000. С. 73.

начали вырабатываться основные способы и методы осуществления террористической деятельности.

В этот период участились случаи проведения террористических акций, непосредственно направленных на уничтожение руководителей государств. Так, в России при помощи террористических акций революционеры вели борьбу с самодержавием в 1878–1881 гг., в результате взрыва бомбы был убит император Александр I¹. Террористическими актами можно считать покушения на ведущих политиков Америки и Европы. Примеров множество: убийство американских президентов Маккинли и Гарфилд, неудачные покушения на Бисмарка и германского кайзера. В 1894 г. был убит президент Франции Карно², а в 1897-м – премьер-министр Испании Антонио Кановас, в 1898 г. была убита австро-венгерская императрица Элизабет³, а в 1900-м – король Италии Умберто.

В начале данного периода террористические атаки предпринимались в основном одиночками – террористами-смертниками, однако позднее стали появляться малые группы революционеров, сформированные для достижения определенных политических целей.

Рассматривая этот этап развития терроризма, терроризм можно охарактеризовать как *особое преступление, совершаемое индивидуально для достижения каких-либо политических целей путем совершения террористических акций, направленных на изменение политической обстановки в стране.*

3. Начало 20-х – конец 50-х гг. XX в. Данный этап характеризуется тем,

что терроризм, ставший одним из способов политической борьбы, переходит от индивидуального воздействия, направленного, как правило, на узкий круг субъектов отношений, к массовому, затрагивающему большое количество людей.

Данная особенность ярко проявилась уже с окончанием Первой мировой войны. Массовый террор стал оружием фашистов и национал-сепаратистов во Франции, Германии, Венгрии. Особой жестокостью отличалась террористическая деятельность государственного аппарата, созданного в Германии. Особенно в этом преуспели СА (нем. Sturmabteilung «штурмовые отряды»), СС (нем. Schutzstaffeln «отряды охраны»), гестапо и др. В фашистской Германии использовалась тщательно разработанная система массового уничтожения. Она была направлена против инакомыслия, против своего народа, а также против народов других стран. Фашизм стал смертельной угрозой для всего человечества. По некоторым данным, в концентрационные лагеря было отправлено около 18 млн человек различных национальностей Европы. Террор как метод борьбы в этот период применялся в основном государственными властвующими силами.

Таким образом, на данном этапе терроризм представлял собой метод осуществления политики государства, направленный на устрашение либо уничтожение противостоящей стороны.

4. Начало 60-х – конец 80-х гг. XX в. Появляются крупные террористиче-

¹ Литвинов Н., Литвинова А. Антигосударственный террор в Российской империи. Исторический очерк // Новый мир. 2003. № 11. С. 12.

² Алданов М. А. Портреты. Убийство президента Карно : [аудиокнига]. ИДДК, 2007.

³ Корти Э. Ц. Елизавета I Австрийская. Ростов н/Д, 1998. С. 590.

ские группировки, происходит их интернационализация. На данном этапе терроризм становится глобальным фактором международной политики.

Именно в этот период появились контуры современного глобального терроризма. Появление данной тенденции в развитии терроризма просматривается в период распада ведущих колониальных империй в результате борьбы за национальное освобождение, которая, как правило, велась военными средствами. Террористические акции стали одной из форм партизанских действий. В этот же период активно стали меняться формы проводимых террористических акций. Если в 1960-х гг. были распространены случаи захвата воздушных судов, то в 70-х гг. XX столетия наибольшее распространение получили взрывы, похищение людей и убийства государственных деятелей.

Иными словами, можно сказать, что в этот период под *терроризмом* понимали *региональное либо локальное преступление, совершаемое террористическими группировками различными общественно опасными способами в целях достижения определенных политических целей*. Однако уже просматриваются тенденции к глобализации терроризма.

5. С начала 90-х гг. XX в. – по настоящее время. Терроризм стал не просто глобальным фактором международной политики, он трансформировался в глобальную проблему современности. Последнее десятилетие XX в. характеризовалось появлением религиозного экстремизма в форме мусульманского фундаментализма. Это способствовало возникновению

обширной зоны социальной, политической и национальной нестабильности. Подавляющее большинство террористических акций было совершено исламистскими группировками и организациями.

В XXI веке происходит глобализация террористической деятельности, расширение ее масштабов и географии¹ [3, 148]. Целью проведения террористических акций становится личное обогащение и финансовое благополучие. Значительно возросло число террористических актов как на почве политического противостояния, так и на почве межэтнических противоречий. *Терроризм стал представлять собой тяжкое международное преступление, совершаемое группировками или организациями с целью личного обогащения, достижения каких-либо политических или общественных целей на почве межэтнического, политического либо религиозного противостояния*.

Анализируя историю появления и развития терроризма, можно заметить, что на каждом этапе эволюции этого явления террор совершался различными способами, но при этом в большинстве случаев цели террористов были схожи. С помощью терроризма делается попытка не только вывести из равновесия законное правительство или нацию, но также продемонстрировать массам, что законная власть не может контролировать ситуацию в стране, что население больше не находится в безопасности².

Государства давно уже осознали опасность терроризма как преступного деяния и уже в течение продолжительного периода осуществляют поиск

¹ Возжеников А. В. Указ. соч. С. 148.

² Климаченкова В. О. Современный терроризм: понятие, условия, причины // Изв. ПГУ. 2007. № 3 (7). С. 13.

форм и методов борьбы с ним. Одним из важных составляющих этой борьбы является поиск адекватного его определения. Современное определение понятия «терроризм» можно найти в законодательных актах различных государств. Однако, как уже было сказано выше, законодательство каждого государства трактует понятие «терроризм» по-своему и вкладывает в его содержание довольно разнообразные признаки.

Так, Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 205 характеризует терроризм как «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»¹. Из этого определения можно выделить следующие признаки:

- 1) действия, создающие опасность гибели людей, либо угроза совершения таких действий;
- 2) причинение значительного имущественного ущерба;
- 3) наступление общественно опасных последствий;
- 4) цель – нарушение общественной безопасности, устрашение населения, оказание воздействия на решения органов власти.

Уголовный кодекс Украины в ст. 258 дает более развернутое определение терроризма, который представ-

ляет собой «применение оружия, совершение взрыва, поджога или иных действий, которые создавали опасность для жизни или здоровья людей или причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, если такие действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, или с целью влияния на принятие решений или совершения или несовершения действий органами государственной власти или органами местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами, или привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным или другим взглядам виновного (террориста), а также угроза совершения указанных действий в тех же целях»². Согласно данному определению к признакам терроризма относятся:

- 1) осуществляется посредством совершения действий, влекущих общественно опасные последствия;
- 2) создается опасность для жизни или здоровья людей;
- 3) причинение значительного имущественного ущерба;
- 4) действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, или с целью влияния на принятие решений или совершения или несовершения действий органами власти;

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : [принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

² Уголовный кодекс Украины от 5 апр. 2001 года № 2341-III. URL: <http://maget.kiev.ua/kodeks/ugolovnij-kodeks/> (дата обращения 17.07.2015).

5) привлечение внимания общественности к определенным политическим, религиозным или другим взглядам;

б) угроза совершения противоправных действий.

Согласно ст. 421 Уголовного кодекса Франции актами терроризма являются «совершенные индивидуально или коллективно операции с целью серьезно нарушить общественный порядок путем устрашения или террора»¹. Данное определение хоть и достаточно лаконично, однако отражает всю суть терроризма. Из него можно выделить следующие признаки:

1) совершение операций индивидуально либо коллективно;

2) цель – нарушение общественного порядка;

3) способ – террор и устрашение.

Уголовный кодекс Республики Беларусь дает определение уже акта международного терроризма. Согласно ст. 126 этого документа международный терроризм представляет собой *совершение на территории иностранного государства либо на территории дипломатического представительства, консульского учреждения иностранного государства, находящихся на территории Республики Беларусь взрыва, поджога, затопления или иных деяний общеопасным способом либо создающих опасность гибели людей или причинения им телесных повреждений или наступления тяжких последствий в целях провокации международных осложнений или войны либо дестабилизации общественного порядка в иностранном*

*государстве»*². К признакам международного терроризма относятся следующие:

1) совершение террористического акта на территории иностранного государства;

2) действия направлены на гибель людей, причинение им телесных повреждений или наступления иных тяжких последствий;

3) цель – провокация международных осложнений, война, дестабилизация общественного порядка в иностранном государстве.

Законодательства большинства государств не содержат определение понятия «терроризм» или «террористический акт», однако в них содержится перечень действий, которые могут попадать под это определение.

Как видно из вышеизложенного, каждое государство толкует понятие «терроризм» по-своему, однако просматриваются и общие трактовки. При этом общепринятого международного определения пока не сформулировано. Главная причина этого кроется, на наш взгляд, в отсутствии единого мнения по поводу сферы охвата этого понятия³. Иными словами, нет общей договоренности о том, что считать проявлением терроризма, а что – нет. Следствием этого является и отсутствие квалификации терроризма как тягчайшего преступления против человечества, хотя, исходя из практики, можно утверждать, что именно таким преступлением терроризм и является. Показательным является отсутствие в статутах различных

¹ Уголовный кодекс Франции / науч. ред. Л. В. Головки, Н. Е. Крыловой ; пер. с фр. и предисл. Н. Е. Крыловой. СПб., 2002. С. 650.

² Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3: [с изм. и доп. по состоянию на 8 апр. 2015 г.]. URL: http://www.online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984#pos=57;-250&sel_link=10010938 (дата обращения: 17.07.2015).

³ Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. Нью-Йорк, 2009. С. 101.

трибуналов квалификации терроризма как особой формы преступления.

Однако индивидуальные акты терроризма могут попадать под категорию военных преступлений и преступлений против человечности, если они отвечают всем критериям, которые содержатся в запрещающих такие преступления положениях. На практике в статутах Международного уголовного трибунала по Руанде и Специального суда для Сьерра-Леоне имеются положения, запрещающие терроризм в контексте вооруженных конфликтов как особую категорию военных преступлений¹. Однако и эти два статута не содержат общепринятого определения понятия «терроризм».

На наш взгляд, уже сегодня, в зависимости от формы проявления террористических актов, терроризм можно квалифицировать как преступление против человечности, т. е. действия, совершаемые в отношении гражданского населения на широкомасштабной или систематической основе в военное или мирное время.

Теоретически актом проявления терроризма можно считать и геноцид. Террористический акт можно квалифицировать как геноцид в том случае, если он будет представлять собой действие, совершаемое с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, расовую или религиозную группу как таковую².

Анализируя все вышеизложенное, мы предлагаем выделить отличительные признаки терроризма. К таковым можно отнести следующие:

1. Совершение террористического акта индивидуально либо коллективно. На протяжении долгого времени с мо-

мента появления терроризма террористические акты совершались людьми индивидуально. Затем террористы начали объединяться в группы, ими стали создаваться террористические организации и группировки. Большинство террористических актов сегодня совершаются такими группировками, однако имеет место и индивидуальное совершение террористического акта одним лицом.

2. Террористический акт направлен на достижение политических, религиозных, военных или иных целей. Любая деятельность направлена на достижение определенного результата. Террористическая деятельность – не исключение. Своими действиями террористы стремятся оказать влияние на совершение либо несовершение определенных действий органами власти, запугать население либо получить личную выгоду в результате своих действий. Террористы также могут иметь своей целью разжигание военных конфликтов в своих интересах.

3. Основная цель террористического акта – устрашение общества и правящей господствующей власти, нарушение общественного порядка. Устрашение общества, запугивание властвующих структур приводит к дестабилизации общества. Таким образом, террористы облегчают достижение преступного результата.

4. Террористические акты совершаются общественно опасными способами (захват воздушного судна, подрыв здания и т. д.). Масштабное общественно опасное деяние, такое как подрыв здания либо захват судна, является наиболее эффективным способом устрашения общества. Такие действия нередко приводят к жертвам

¹ Часто задаваемые вопросы о международно-правовых аспектах борьбы с терроризмом. Нью-Йорк, 2009. С. 101.

² Там же.

среди населения, значительному материальному ущербу государству. Это повышает шансы террористов на успешное достижение своих целей.

5. Совершение террористического акта заранее детально спланируется. Как показывает практика, террористические акты совершаются такими способами, которые невозможно было бы осуществить спонтанно. Масштабные террористические акты требуют долгой подготовки, наличия у террористов специальных умений и навыков. Неспланированные действия могут привести к непредсказуемым последствиям, а все последствия совершенных террористических актов относительно быстро устраняются. Это говорит о том, что деятельность террористов четко спланирована и направлена на достижение строго определенного результата.

6. Совершение террористического акта сопровождается человеческими и материальными жертвами. Результатом любого общественно опасного деяния являются общественно опасные последствия в виде причинения имущественного ущерба и даже жертв среди населения. Террористические акты характеризуются особой жестокостью. Они масштабны и совершаются такими способами, которые не могут не привести к серьезному материальному ущербу или значительным потерям среди населения.

7. Террористический акт может быть как внутригосударственного, так и международного характера. Изначально террористические акты совершались только внутри страны представителями этого же государства. Однако вследствие глобализации переезд из одной страны в другую заметно упростился. Это дает террористам возможность осуществлять свою

деятельность не только в пределах своей страны, но и на территории других государств. Данный признак означает и то, что одна террористическая группировка может иметь свои «штаб-квартиры» в других государствах.

8. Финансирование террористических актов может осуществляться как изнутри террористической организации, так и извне. Террористическая деятельность требует финансового обеспечения. Средства совершения террористических актов, такие как оружие, взрывчатка и другие имеют большую стоимость. К тому же эти средства достать достаточно сложно. Террористы могут приобретать их самостоятельно, однако множество террористических группировок финансируются частными лицами, не относящимися к данной террористической организации. Финансирование террористических организаций может происходить не только частными лицами, но даже и государственными структурами.

На основе вышеизложенных признаков мы можем сформулировать и предложить следующее определение понятия «терроризм»: терроризм – это заранее спланированное преступление внутригосударственного либо международного характера, финансируемое как членами террористической организации, так и извне, совершаемое в индивидуальном или коллективном порядке общественно опасным способом, сопровождающимся человеческими и материальными жертвами, направленное на устрашение населения и существующей власти, а также на нарушение общественного порядка и достижение политических, экономических, религиозных или иных целей.

Список литературы

1. *Возжеников А. В.* Международный терроризм: борьба за геополитическое господство / А. В. Возжеников. – М. : Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 2005. – 560 с.

6. *Климаченкова В. О.* Современный терроризм: понятие, условия, причины / В. О. Климаченкова // Изв. ПГУ. – 2007. – № 3 (7). – С. 12–16.

References

1. *Vozzhenikov A. V.* International Terrorism: the struggle for geopolitical dominance. M., Rossijskaya Akademija Gosudarstvennoj Sluzby' pri Prezidente Rossijskoj Federacii, 2005. 560 p.

2. *Klimachenkova V. O.* Modern Terrorism: Concept, Conditions, Causes. Bull'eten' PGU. 2007. No. 3(7). p. 12–16.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РУСЛЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТОЛОГИИ

Аннотация. Статья посвящена проблемам правовой экспертизы в российском уголовном судопроизводстве. Обосновывается необходимость назначения и проведения правовой экспертизы по уголовным делам. Рассматривается предмет, объект, задачи и методы правовой экспертизы.

Ключевые слова: специальные знания, судебная экспертиза, правовая экспертиза, уголовное судопроизводство

L. V. Lazareva

SOME PROBLEMS OF LEGAL EXPERTISE IN THE COURSE OF JUSTICE EXPERTOLOGY

Annotation. The article is devoted to problems of legal expertise in the Russian criminal trial. The necessity of purpose and legal expertise in criminal cases. We consider the subject, object, objectives and methods of legal expertise.

Key words: expertise, judicial expertise, legal expertise, criminal justice.

Рассмотрим некоторые дискуссионные и актуальные проблемы правовой экспертизы сквозь призму судебной экспертологии.

1. *Проблемы понятийного аппарата.* Несмотря на повышенный интерес в последние годы к производству правовых экспертиз, следует отметить, что основные теоретические понятия находятся на стадии разработки и являются дискуссионными, а при назначении и производстве правовой экспертизы возникают проблемы организационного и методического характера.

Анализируя взгляды ученых по данной проблеме, возникает вопрос о том, что же подразумевается под понятием «правовая экспертиза».

Правовой экспертизой называют:

а) случаи обращения следователей и судей к специалистам в области уголовного и уголовно-процессуального

права в сложных случаях квалификации деяния;

б) обращение с целью правильной квалификации деяния к специалистам в области права за разъяснениями отдельных понятий. Например, к специалистам в области предпринимательского права могут обратиться за разъяснением таких понятий, как «предпринимательская деятельность», «доход от предпринимательской деятельности» и т. п.

в) экспертизы, предметом которых являются ответы на вопросы о соответствии действий должностного лица определенным правилам, закрепленным в нормативно-правовых актах. Например, в заключении эксперта могут содержаться указания на нормативных акты, регламентирующие производственную организационно-хозяйственную деятельность, на несоответствие или соответствие профессио-

нального поведения людей требованиям указанных нормативных актов, а также указание на причинную связь между несоблюдением каких-либо инструкций, регламентирующих профессиональную деятельность, и наступлением вредных последствий.

Представляется, что решение проблемы производства правовых экспертиз содержит в себе две стороны: 1) возможны ли правовые экспертизы по уголовным делам при применении бланкетных диспозиций статей УК РФ; 2) какие вопросы, поставленные перед экспертом, необходимо считать вопросами правового характера?

Актуальность предмета рассматриваемой проблемы видится вполне очевидной, поскольку наблюдается тенденция к усложнению действующего законодательства, в том числе и уголовного. Количество норм с бланкетными диспозициями в УК РФ значительно возросло. Безусловно, это существенно осложнило процесс квалификации таких преступлений, потребовав от правоприменителя знания более широкого круга нормативных правовых актов и необходимости постоянно быть в курсе вносимых в них изменений и дополнений.

Результаты проведенного нами анкетирования подтверждают правильность приведенных соображений: 20 % респондентов считают необходимым допустить возможность постановки перед экспертом вопросов правового характера, объясняя это существованием отраслей права, требующих глубоких специальных знаний; 67 % респондентов отрицают такую возможность, указывая на то, что правовая оценка фактов входит в исключительную компетенцию лица, ведущего производство по делу. В то же

время 60 % опрошенных указали, что в их практике возникали случаи необходимости постановки перед экспертом вопросов правового характера, например, при расследовании экономических преступлений, дорожно-транспортных преступлений и т. п.

Данный результат свидетельствует о недооценке ситуации, поскольку усложнение законодательства – это объективная тенденция, которая обусловлена социальными процессами, происходящими в нашей стране. Можно с уверенностью утверждать, что возврата к ситуации, когда все диспозиции уголовно-правовых норм были прямо закреплены в УК РФ, не будет. Скорее, наоборот, можно предположить, что количество бланкетных норм со временем возрастет. Таким образом, мы сталкиваемся с реально существующей проблемой, требующей не только сиюминутного, но и перспективного решения.

Возможность назначения по уголовному делу так называемых правовых экспертиз стала вновь широко обсуждаться в связи с увеличением числа уголовных дел экономической направленности, существенно усложнивших задачу квалификации содеянного. Действительно, большинство норм, определяющих составы преступлений в сфере экономической деятельности, носят бланкетный (отсылочный) характер. Для правильной их трактовки от правоприменителя требуется, чтобы он знал все законы и иные нормативные правовые акты, на которые сделаны ссылки в бланкетных диспозициях Особенной части УК РФ, помнил, в какой момент или до какого периода они действуют в той или иной редакции, и имел реальную возможность их найти¹.

¹ Гаухман Л. Нужна ли правовая экспертиза по уголовным делам? // Законность. 2000. № 4. С. 21–24.

Сложность расследования данной категории преступлений, кроме того, определяется еще и новизной законодательной базы, недостаточной проработкой в ней существенных деталей, сложностью социально-экономических отношений, отсутствием наработанной практики. Справедливости ради заметим, что данная проблема не нова. Она возникала всегда, когда требовался квалифицированный анализ положений, правил, носящий полуправовой-полутехнический характер. Сегодня правовая экспертиза востребована не только в предпринимательских кругах, но и в сфере деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти, правоохранительных органов, а также физических лиц для защиты своих прав в суде.

Существует мнение, что экспертиза в области права возможна только в практике Конституционного Суда Российской Федерации, а не в уголовном процессе¹, поскольку недопустимо перекладывать бремя доказывания на участников уголовного процесса, не наделенных данными функциями. Действительно, практика рассмотрения дел в Конституционном Суде Российской Федерации показывает, что во многих случаях в качестве экспертов вызываются высококвалифицированные юристы, и на их разрешение ставятся вопросы чисто правового характера, касающиеся трактовки и использования отдельных норм материального и процессуального права.

Однако данная позиция не вполне соответствует складывающейся практике, которая показывает, что специалистов в отдельных областях права давно уже привлекают для дачи кон-

сультаций, как письменных, так и устных, по материалам уголовных дел, а также для проведения юридических экспертиз. Проведенный нами анализ ряда уголовных дел показывает, что такие исследования, осуществленные учеными-юристами, нередко приобщаются к материалам дела как по инициативе защиты, так и обвинения.

Поскольку в законе отсутствует запрет на проведение таких экспертиз, то следует предусмотреть возможность их назначения в тех случаях, когда для установления истины по уголовному делу необходимы исследования с применением специальных юридических знаний, которыми не обладают следователь и суд. В то же время это не означает, что следователи или судьи теперь вообще не должны знать право и такие экспертизы будут назначаться по любому поводу.

Важно обратить внимание на следующее обстоятельство: отсутствие подобных разработок приводит к тому, что правовые знания используются в судебной практике хаотично, бессистемно, и во многом такое использование зависит от личного усмотрения судьи. В современной судебной практике уже имеются случаи приобщения судами к совокупности доказательств заключений по правовым вопросам, далеко не безупречных по своему содержанию, основанных на исследовании обстоятельств конкретного дела и содержащих оценку действий обвиняемых.

Для того чтобы правовые экспертизы не назначались с целью переложить на судебных экспертов решение задач, относящихся к компетенции следствия и суда, необходимо четко разграничить «правовую экспертизу

¹ *Корухов Ю. Г.* Допустимы ли правовые экспертизы в уголовном процессе // *Законность.* 2000. № 1. С. 39.

и другие формы применения правовых знаний, имеющих с ней общие черты, но не являющиеся таковой»¹.

Изложенное актуализирует целесообразность легализации обозначенной идеи в форму самостоятельной правовой экспертизы в тех случаях, когда для установления истины по уголовному делу необходимы исследования с применением специальных юридических знаний, которыми не обладают органы расследования². Надеемся, что дискуссия завершится в пользу правомерности производства правовых экспертиз.

2. Проблемы определения предмета правовой экспертизы. В сложившейся ситуации для назначения правовой экспертизы необходимо однозначное толкование ее предмета, объекта, задач и методов. Следователь должен понимать возможности данной экспертизы в получении доказательств по расследуемому делу. Кроме того, это позволит дать надлежащую оценку заключению эксперта как доказательства по делу по установленным критериям относимости, допустимости и достоверности.

Определение предмета и объекта судебной экспертизы является очень важным как в теоретическом, так и в практическом смысле. Каждая разновидность судебных экспертиз имеет свой предмет и объект исследования.

Исходя из определения предмета судебной экспертологии, предметом правовой экспертизы, на наш взгляд, являются фактические данные (обстоятельства дела), исследуемые и уста-

навливаемые в судопроизводстве с использованием специальных знаний в различных отраслях права, на основе исследования норм права, подлежащих применению, и соответствия правильности их применения требованиям законодательства.

Существуют и другие мнения. Так, Ю. К. Орлов полагает, что предметом правовой экспертизы может быть только вопрос о том, какой закон и подзаконные акты подлежат применению в данном деле. Толкование же закона не может быть предметом экспертизы и является исключительной компетенцией правоприменителя³.

Если говорить о толковании норм правоприменителем, то для оказания помощи с этой целью им может быть привлечен специалист. Подобная помощь специалистов может существенно повысить эффективность применения правовых норм, поскольку они в наибольшей степени осведомлены о вносимых изменениях и дополнениях, тонкостях их анализа и применения на практике. Проведенный нами анализ ряда уголовных дел показывает, что такие исследования, осуществленные учеными-юристами, нередко приобщаются к материалам дела, как по инициативе защиты, так и обвинения. В этой связи большой интерес представляют исследования профессора А. А. Эксархопуло, посвященные анализу сложных уголовных дел, где использование специальных знаний в области различных отраслей права неоднократно помогало препятствовать необоснованному пре-

¹ Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996.

² Россинская Е. Р. Специальные познания и современные проблемы их использования в судопроизводстве // Журн. рос. права. 2001. № 5. С. 33–34.

³ Орлов Ю. К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С.18.

кращению уголовных дел или способствовать исправлению следственных ошибок и промахов¹.

Полагаем, что в современных условиях уже недостаточно признать возможность использования правовых знаний в качестве специальных

как на научном, так и на законодательном уровнях, необходимо начать подготовку соответствующих законодательных предложений и разработку методических рекомендаций по производству правовой экспертизы.

Библиографический список

1. *Аверьянова Т. В.* Судебная экспертиза. Курс общей теории / Т. В. Аверьянова. – М. : Норма, 2009. – 480 с.
2. *Россинская Е. Р.* Современные представления о предмете и системе судебной экспертологии / Е. Р. Россинская // «Lex russica». – 2013. – № 4. – С. 421–428.
3. *Эксархопуло А. А.* Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела / А. А. Эксархопуло. – Спб. : Издат. дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. – 280 с.

References

1. *Aver'yanova T. V.* A Forensic Examination. The Course of General Theory. M., Norma, 2009. 480 p.
2. *Rossinskaya E. R.* Modern Ideas on Object and System of the Judicial Expertology. «Lex russica». 2013. No. 4. P. 421–428.
3. *E'sarkhopulo A. A.* Special Knowledge and Their Application in the Study of Materials of Criminal Case. SPb., Izdatel'skij Dom Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta, 2005. 280 p.

¹ *Эксархопуло А. А.* Специальные познания и их применение в исследовании материалов уголовного дела. СПб., 2005. С.155.

Т.А. Ткачук

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В работе дан анализ современного состояния розыскной деятельности, обоснована актуальность создания единого понятийного аппарата, определены направления, характеризующие содержание противодействия расследованию преступлений коррупционной направленности.

Обозначена роль профессиональных компетенций потенциальных субъектов розыска, к которым следует добавить объективную необходимость преодоления противодействия с целью его предвидения и снижения до минимального уровня.

Ключевые слова: розыскная деятельность, противодействие расследованию, преступления коррупционной направленности.

Т. А. Tkachuk

HARNESSING THE POWER OF SEARCH ACTIVITY TO OVERCOME THE COUNTERACTION TO INVESTIGATION OF CORRUPTION CRIMES

Abstract. The paper analyzes the current state of search activity, the urgency of creating a common conceptual framework, identify areas that characterize the content of counteraction to investigation of corruption crimes.

Designated the role of professional competency of potential subjects of investigation, to which should be added to the objective necessity of overcoming the resistance with a view to anticipating and reducing to a minimum.

Key words: investigative activities, opposition to the investigation, the crime of corruption.

Актуальность использования результатов розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве, в частности в преодолении противодействия расследованию, в настоящее время все более усиливается в связи с ростом организованной и профессиональной преступности, активизацией различных форм и методов противодействия правоохранительным органам. Особенно злободневно выглядит данный аспект в рамках раскрытия и расследования преступлений коррупционной направленности, когда добыть

необходимые сведения только с помощью уголовно-процессуальных действий и иных гласных мер затруднительно или практически невозможно.

В юридической и специальной литературе все настойчивее звучит мысль о более активном использовании в уголовном процессе данных, полученных при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (далее: ОРД). При этом значимость результатов розыскной деятельности для раскрытия и расследования преступлений не отрицается как авторами, разделяющими, так и

не разделяющими мнения о необходимости расширения возможностей использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу.

В этой связи процесс преодоления противодействия расследованию коррупционной направленности, на наш взгляд, следует рассматривать неразрывно с оперативным сопровождением процесса расследования, зависящим от наличия соответствующих на то правовых оснований и соблюдения определенных процедурных требований. Принципиально важный характер приобретают розыскная деятельность, осуществляемая всеми ее субъектами (сотрудниками оперативных подразделений, следователем) в целях выявления информации о признаках и свойствах объектов, причинно связанных с событием расследуемого преступления, установление места нахождения таких объектов, определение форм и методов противодействия расследованию.

По-прежнему актуальным в рамках расследования и преодоления противодействия расследованию преступлений коррупционной направленности является добывание оперативной информации, которое «...включает борьбу за информационные ресурсы... в условиях усиливающегося информационно-технического противодействия со стороны преступных формирований»¹. При этом сам процесс добывания оперативной информации и документирование фактов, подтверждающих коррупционность деятельности, должен быть нацелен на решение как тактических так и стратегических, разведывательно-поисковых задач преодоления противодействия расследованию, а именно:

– выявление потенциальных направлений и содержания коррупционной деятельности, включая противодействие расследованию;

– поиск, обнаружение и фиксация признаков коррупционной деятельности и противодействия ее расследованию;

– установление численности субъектов, вовлеченных в коррупционную деятельность;

– в случае выявления группы (общества) организованного преступного формирования, установление его структуры и качественного состава (занимаемых должностей, имеющих полномочий, статусов);

– выявление криминализированных связей субъектов коррупционной деятельности;

– прогнозирование рисков и развития ситуации при расследовании коррупционной деятельности;

– сбор информации обо всех субъектах коррупционной деятельности и лицах, осуществляющих противодействие расследованию;

– розыск и задержание лиц, скрывающихся от правоохранительных органов;

– установление и розыск имущества (иных предметов), свидетельствующих о превышении расходов по сравнению с доходами лиц, вовлеченных в коррупционную деятельность;

– выработка тактики мотивации субъектов противодействия расследованию коррупционных преступлений, побуждающей к действиям в интересах расследования.

С учетом изложенного не будет преувеличением выделить как наиболее значимый аспект в преодолении

¹ Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / под ред. В. И. Попова. М., 2002. С. 35.

противодействия расследованию коррупционных преступлений именно оперативное сопровождение в организационно-тактической форме осуществления розыскной деятельности.

Подобное сопровождение собственноручно и позволяет не только своевременно выявить намерения противодействующей стороны, предприняв необходимые меры к осуществлению скрытого управления процессом противодействия, но и создать «обстановку невозможности осуществления намерений субъектов противодействия»¹.

Розыскная деятельность при этом логично должна сочетать комплекс оперативно-розыскных и организационных мероприятий, реализуемых в непосредственной связи с производством следственных действий, направляемых и корректируемых единым планом и под единым руководством. В качестве главных задач, решение которых должно быть обеспечено указанной деятельностью, представляются: обнаружение и фиксация признаков и фактов коррупционной деятельности с определением круга лиц, в нее вовлеченных; выявление и фиксация признаков и фактов противодействия расследованию; разработка стратегии преодоления противодействия расследованию с обязательным прогнозированием развития оперативной и следственной ситуаций с учетом возможных рисков².

Эффективность тактики преодоления противодействия расследованию

преступлений коррупционной направленности непосредственно зависит от учета результата анализа всего объема собранной информации, реализуемого в прогнозируемом (моделируемом) противодействии со стороны субъектов коррупционной деятельности и всесторонней оценке рисков при принятии решения. Особое внимание при этом должно уделяться обеспечению тайны планирования и осуществления оперативно-розыскных мероприятий, объема и содержания полученных результатов и направлений (способов) их реализации.

Не случайно исследователи данной проблемы особую актуальность в связи с этим передают: оперативному внедрению оперативных или негласных сотрудников в преступное формирование; выявлению лиц из криминальной или иной среды, готовых сотрудничать с оперативно-розыскными подразделениями в качестве негласных сотрудников; оперативным контактам; скрытому наблюдению и оперативным установкам; использованию массивов оперативных учетов; прослушиванию телефонных переговоров; применению научно-технических средств, предназначенных для негласного получения информации³.

Заметим, что в целях выявления признаков противодействия субъектам антикоррупционной деятельности следует предусмотреть мероприятия, разведывательного характера и в от-

¹ Тесников А. И. Оперативно-розыскное обеспечение уголовного судопроизводства о преступлениях, совершенных организованными группами : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2002. С. 15.

² Ткачук Т. А. Прогнозирование риска при осуществлении розыскной деятельности // Право, правосудие, исполнение наказаний: отечественный и зарубежный опыт : материалы междунар. науч.-практ. конф., Владимир, 29–30 мая 2014 г. Владимир, 2014. С. 368–374.

³ Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 314.

ношении иных лиц, обладающих информацией, способной привлечь внимание коррупционеров и их сообщников. Реализация подобных мероприятий может способствовать не только обеспечению безопасности всех участников рассматриваемого процесса, но и предотвращению попыток оказания воздействия на них.

В целях последующего обеспечения процесса доказывания преступной деятельности лиц, совершающих преступления коррупционной направленности, по нашему убеждению, законодателю необходимо: включить в круг субъектов представления доказательств в уголовном судопроизводстве (ст. 86 УПК РФ) оперативные подразделения правоохранительных органов; изменить ч. 2 ст. 74 УПК РФ, заменив слова «иные документы» фразой «и другими документами, предметами, в том числе и полученными в ходе оперативно-розыскной деятельности».

Нельзя не отметить, что успех в любой деятельности непосредственно зависит от уровня образованности и профессионализма ее субъектов. В настоя-

щее время нередко, говоря о пресловутом «человеческом факторе», оправдывая причину различных неудач и трагических событий, мы имеем в виду не только «отсутствие внутренней дисциплины, культуры, нравственной ответственности», но и «отсутствие необходимых знаний», на что не раз обращали внимание руководители нашего государства и представители религиозных конфессий¹.

Сравнивая важность современного состояния образования в России с обороной от внешних и внутренних угроз, включая коррупцию, и рассматривая его как общенациональное дело, отметим необходимость неразрывного получения знаний с воспитанием личности в системе ценностей, которая формирует не только комплекс знаний и навыков, но в первую очередь любовь к Отечеству. Именно поэтому профессионализм субъектов расследования коррупционных преступлений также должен базироваться прежде всего «..на нравственных основах, развивать общество, в конечном итоге – укреплять государство»².

Библиографический список

1. *Овчинский А. С.* Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография / А. С. Овчинский ; под. ред. В. И. Попова. – М. : Инфра-М, 2002. – 97 с.
2. *Тишутина И. В.* Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : дис. д-ра ... юрид. наук : 12.00.12 / Тишутина Инна Валерьевна. – М., 2013. – 245 с.
3. *Ткачук Т. А.* Прогнозирование риска при осуществлении розыскной деятельности / Т. А. Ткачук // Право, правосудие, исполнение наказаний: отечественный и зарубежный опыт: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Владимир, 29–30 мая 2014 г. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2014. – С. 368–374.

¹ Выступление Главы Русской православной церкви Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла перед руководителями системы образования Центрального федерального округа РФ, ректорами вузов, директорами школ и педагогами в Тамбове 30 августа 2014 г. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/73292.htm> (дата обращения: 22.03.2015).

² Пленарное заседание Всероссийского форума ОНФ с участием президента России Владимира Путина «Качественное образование — во имя страны». Пенза, октябрь, 2014. URL: <http://zarpressa.ru/news/novosti-regiona/v-penze-obshchenie-s-vladimirom-putinym-ob-obrazovanii-dlilos-2-5-chasa/> (дата обращения: 22.03.2015).

References

1. *Ovchinskij A. S.* Information and Investigative Activities. Ed. by V. I. Popov. M., In-fra-M, 2002. 97 p.
2. *Tishutina I. V.* The Overcoming of Counteraction to Investigation of Organized Criminal Activity (Organizational, Legal and Tactical Fundamentals). M., 2013. 245 p.
3. *Tkachuk T. A.* Forecasting Risk in the Process of Search Activity. Law, Justice, Execution of Punishment: National and International Experience. Vladimir, VyuI FSIN Rossii, 2014. P. 368–374.

БАРАНОВА Марина Владимировна,

профессор кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России доктор юридических наук, кандидат культурологии, профессор

E-mail: *gazxsw123007@yandex.ru*

БОГАЧЕВСКАЯ Евгения Анатольевна,

старший преподаватель кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

кандидат юридических наук

e-mail: *bogachevskaya@list.ru*

ВЫСТОРОБЕЦ Евгений Анатольевич,

доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (РАП) Верховного Суда Российской Федерации советник государственной гражданской службы Российской Федерации 2-го класса кандидат юридических наук

e-mail: *measure@mail.ru*

ГОЛОВКИН Роман Борисович,

заместитель начальника Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний по научной работе доктор юридических наук, профессор

E-mail: *golovkinrombor@mail.*

КОЛЕСНИКОВА Юлия Павловна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

e-mail: *kjuliank@mail.ru*

ГОРДИЕНКО Ирина Владимировна,

адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

e-mail: *veys.irina@mai.ru*

ЗВОНОВ Андрей Викторович,

доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Юридического института Владимирского государственного университета им А. Г. и Н. Г. Столетовых кандидат юридических наук

e-mail: *zvonov_av@mail.ru*

КИРЬЯНОВ Артём Владимирович,

студент 3 курса Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
e-mail: *artemkiryanov95@gmail.com*

КИРЬЯНОВА Ольга Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
e-mail: *kiryanovaoe@rambler.ru*

КРАЙНОВА Екатерина Романовна,

помощник судьи Первого арбитражного апелляционного суда, ассистент кафедры гражданского права и процесса Юридического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых
e-mail: *ekaterina-kraynova@bk.ru*

ЛАЗАРЕВА Лариса Владимировна,

профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний доктор юридических наук, доцент
e-mail: *larisa_vui@pochta.ru*

МАКАРЕЙКО Николай Владимирович,

докторант кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
e-mail: *makareiko_nik@mail.ru*

ТКАЧУК Татьяна Алексеевна,

начальник кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Владимирского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний доктор юридических наук, профессор
e-mail: *tatkachyk@mail.ru*

ABOUT THE AUTHORS

BARANOVA Marina Vladimirovna,

Professor Department of Theory and History of State and Law Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Doctor of Law, PhD (Cultural Studies), Professor

BOGACHEVSKAYA Evgeniya Anatol'evna,

Senior Lecturer of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of VLI of the FPS of Russia PhD (Law)

VY'STOROBE CZ Eugenij Anatol'evich,

associate Professor of the Land and Environmental Law Sub-faculty within the Russian State University of Justice (RAJ) at the Supreme Court of the Russian Federation, 2nd class counsellor of public civil service of the Russian Federation PhD (Law)

GOLOVKIN Roman Borisovich,

Deputy Chief of Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia on Scientific Work Doctor of Law, Professor

KOLESNIKOVA Iuliia Pavlovna,

Post-graduate Student of the Research and Teaching Staff Training Faculty of VLI of the FPS of Russia

GORDIENKO Irina Vladimirovna,

Post-graduate Student of Research and Teaching Staff Training Faculty Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

ZVONOV Andrej Viktorovich,

Assistant Professor of Criminal Law of Law Institute of the Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs PhD (Law)

KIR'IANOV Artyom Vladimirovich,

3rd year student of the Law Institute of Vladimir state University named A. G. and N. G. Stoletovs

KIR'IANOVA Ol'ga Evgen'evna,

senior lecturer of the Department of theory and history of state and law Law Institute of Vladimir state University them. A. G. and N. G. Stoletovs

KRAJNOVA Ekaterina Romanovna,

Deputy Judge of the First Appeal Arbitration Court, Assistant Lecturer Department of Civil Law and Procedure of Law Institute of Vladimir State University named after A. G. and N. G. Stoletovs

ABOUT THE AUTHORS

LASAREVA Larisa Vladimirovna,

Professor of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of VLI of the FPS of Russia Doctor of Law, Associate Professor

MAKAREI`KO Nicolai` Vladimirovich,

doctoral student of Department of theory and history of state and law, Nizhny Novgorod the Academy of the MIA of Russia, PhD in law, associate Professor

TKACHUK Tat`iana Alekseevna,

Head of Criminal Procedure and Forensic Studies Department of VLI of the FPS of Russia Doctor of Law, Professor

Материалы могут быть представлены в редакционную коллегию лично, по почте (600005, г. Владимир, ул. Студенческая, д. 8, каб. 203) или по электронной почте vestnikvlgu.pravo@mail.ru.

Автор представляет в редакцию:

- подписанную рукопись, выполненную в соответствии с правилами оформления рукописи;
- электронный вариант рукописи;
- сведения об авторе;
- согласие на обработку персональных данных;
- автор, не имеющий ученой степени доктора наук, представляет рецензию, подписанную доктором наук.

1. Рукопись предоставляется в отпечатанном на бумаге формате А4 (210x297 мм) виде с приложением электронного варианта в формате MS WORD на электронном носителе (CD).

2. Рукопись должна быть оформлена в строгом соответствии с требованиями ГОСТ 7.89–2005 «Оригиналы текстовые, авторские и издательские. Общие технические требования» и ГОСТ Р 7.0.7–2009. «Статьи в журналах и сборниках. Правила оформления».

3. Комплектность рукописи:

- 1) Код УДК;
- 2) сведения об авторе (фамилия, имя, отчество, название организации – места работы, должность (полностью), ученая степень, ученое звание (при наличии)) (на русском и английском языках);
- 3) название статьи (на русском и английском языках);
- 4) ключевые слова (на русском и английском языках);
- 5) аннотация рукописи (на русском и английском языках);
- 6) основной текст (на русском языке);
- 7) библиографический список (оформляется по ГОСТ Р 7.1 – 2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления») (на русском и английском языках).

4. Авторский оригинал должен быть подписан автором (авторским коллективом) на титуле (подпись свидетельствует о том, что именно этот вариант прочитан автором и считается единственно верным) и пронумерован без пропусков страниц, включая рисунки, приложения и т. д.

5. Требования к набору текста на компьютере:

- основной текст – кегль 14-й, дополнительный – не ниже 12-го;
- рукопись представляется в одном экземпляре, отпечатанном на одной стороне писчей бумаги белого цвета формата А4;
- интервал между строками – полуторный;
- гарнитура шрифта Times New Roman;
- набор осуществляется в программе MS WORD или ее аналоге.

6. Оттиск шрифта черный, четкий (не допускается использование режима экономии тонера).

Абзацный отступ – 1,25 см.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ И ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Поля: верхнее, нижнее, левое и правое – 2,5 см.

Заголовки и подзаголовки печатаются прописными и строчными буквами (без подчеркивания и выделений в разрядку), отделяются от текста сверху и снизу одним интервалом.

Сноски должны быть постраничными, напечатаны через один интервал, пронумерованы и отделены от основного текста горизонтальной чертой.

7. Формулы. Высота букв формул должна соответствовать высоте кегля основного текста. Латинские буквы набираются курсивом (с наклоном), русские, греческие – прямым шрифтом. Между формулой и текстом должен быть обычный межстрочный интервал. Индексы набираются 12-м кеглем.

8. Таблицы. Текст таблиц набирается 12-м кеглем и распределяется равномерно по всему полю графы так, чтобы он не выходил за ограничивающие ее линии. Боковик таблицы должен быть отпечатан с соблюдением соподчиненности строк.

Числа (как в основном тексте, так и в тексте таблиц), имеющие более четырех знаков, должны подразделяться на разряды (по три цифры в каждом) с интервалом в один знак, за исключением чисел, обозначающих номера и даты.

Примечания и сноски к таблице должны быть напечатаны непосредственно под ней и обозначены звездочками.

9. Приводимый в рукописи фактический материал: описание событий, даты, статистические данные, собственные имена, термины, выдержки из нормативных актов и т. п., – автор (авторский коллектив) обязан выверить по официальным источникам. При обращении к нормативному акту необходимо указать его название, вид (закон, указ, постановление и т. д.), наименование органа государственной власти, его издавшего, дату подписания и номер. Загромождение текста большим количеством цитат не допускается.

10. Ссылки на работы, используемые автором, должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5– 2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и не должны превышать 1/3 текстового материала, содержащегося на данной странице.

11. Образцы оформления ссылок и пристатейных списков литературы см.: http://elibrary.ru/projects/events/conf_vak_rinc/icons/Regl.pdf